



КОРНЕЛИЯ ФУНКЕ

ПОВЕЛИТЕЛЬ ДРАКОНОВ

Книга 2. ПЕРО ГРИФОНА

Повелитель драконов

Корнелия Функе

**Повелитель драконов.
Перо грифона**

«Азбука-Аттикус»

2016

УДК 087.5
ББК 84(4Гем)-44

Функе К.

Повелитель драконов. Перо грифона / К. Функе — «Азбука-Аттикус», 2016 — (Повелитель драконов)

ISBN 978-5-389-16663-9

Впервые на русском языке продолжение знаменитой саги Корнелии Функе «Повелитель драконов»! Прошло два года после победы над ужасающим Крапивником. Последние оставшиеся на земле драконы, как и многие другие мифические существа, нашли приют в Мимамейдре – скрытой от людских глаз норвежской долине, где Бен и его новая семья устроили заповедник для мифических созданий. Но никакое пристанище не защитит от всех невзгод. наших героев ожидает новое опасное приключение! На этот раз Бен, Барнабас и Мухоможка должны раздобыть солнечное перо грифона, и от успеха их миссии зависит будущее целого вида! Если же поиски ни к чему не приведут, потомство последней на земле пары пегасов погибнет... Но мало того что грифонов весьма непросто разыскать – они не славятся услужливостью и совершенно не расположены раздаривать свои перья. А их силу и ловкость дополняет чрезвычайно вспыльчивый нрав. Правда, грифоны также известны своей меркантильностью, вернее – алчностью, так что небольшой шанс у наших героев все-таки есть. Но им не обойтись без помощи дракона и его кобольда!

УДК 087.5
ББК 84(4Гем)-44

ISBN 978-5-389-16663-9

© Функе К., 2016

© Азбука-Аттикус, 2016

Содержание

1. Новые друзья на новом месте	10
2. Звонок из Греции	16
3. Защитники	26
4. Не вся правда	30
5. Единственный в своем роде	34
6. Отец и сын	38
7. Последний пегас	42
8. Дальний путь и мало времени	44
9. Прощание и первая встреча	51
10. Грифоны любят золото	55
11. Одно сердце, два дома	60
12. Храм Гаруды	65
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Корнелия Функе

Повелитель драконов.

Книга 2: Перо грифона

DRACHENREITER 2
DIE FEDER EINES GREIFS
by Cornelia Funke

Text copyright © 2016 by Cornelia Funke
Illustrations copyright © 2016 by Cornelia Funke
All rights reserved

© 2016 by Cornelia Funke
© М. Сокольская, перевод, 2019
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2019

* * *





КОРНЕЛИЯ ФУНКЕ

ПОВЕЛИТЕЛЬ ДРАКОНОВ

КНИГА 2 ПЕРО ГРИФОНА



Эта история не для тех, кто хочет править миром; не для тех, кому неймется доказывать, что они сильнее, быстрее, лучше остальных. И уж точно не для тех, кто считает человека венцом творения.

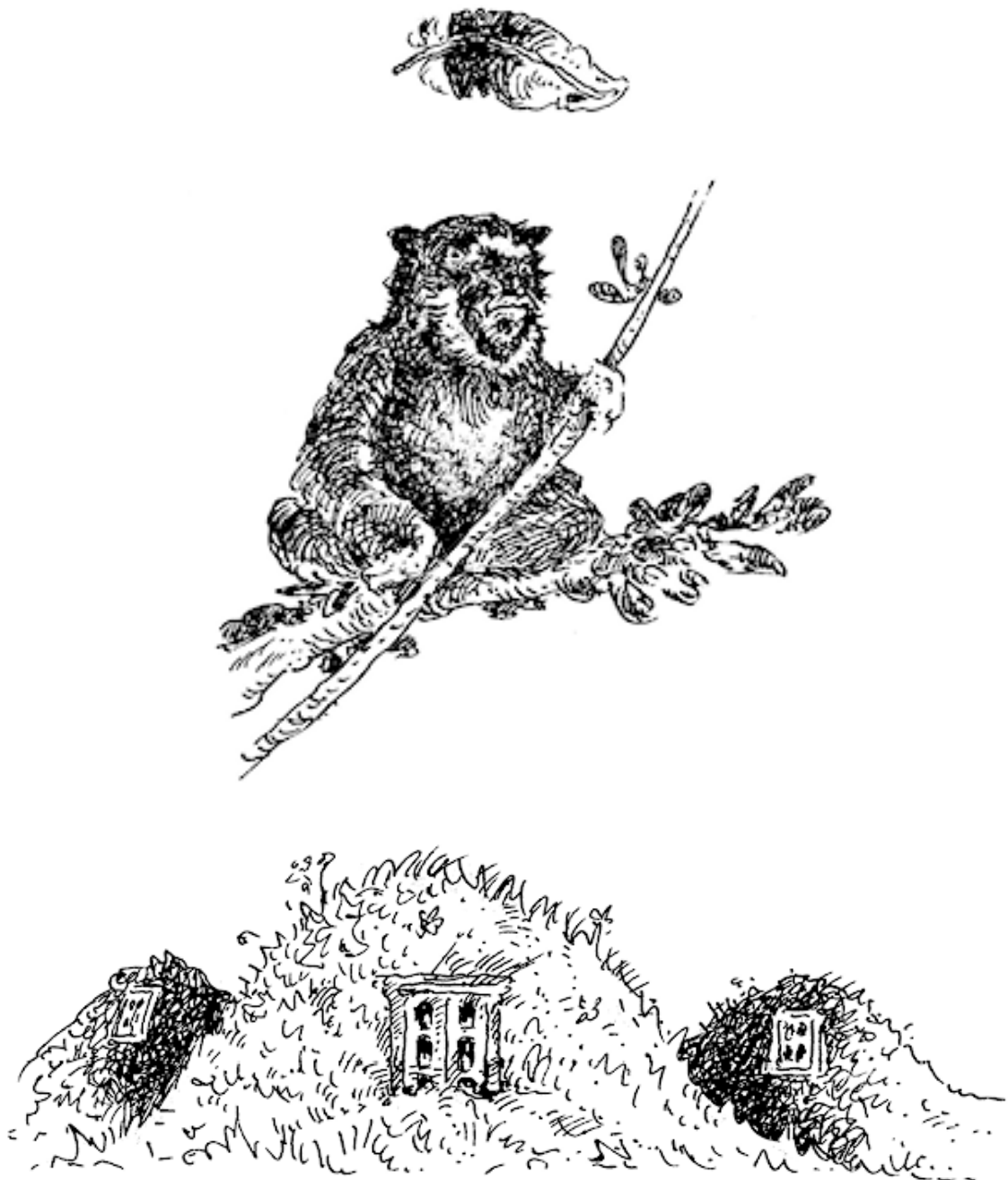
Она для тех, у кого хватает мужества защищать, а не повелевать, охранять, а не грабить, сохранять, а не разрушать.

Корнелия Функе



– Мальчик мой, – сказал он, – пока я еще не расстался с тобой, ты можешь стать кем угодно – овощем, животным, минералом, микробом или вирусом, на здоровье, но тебе придется поверить в превосходство моей прозорливости. Еще не время обращать тебя в сокола... так что можешь пока посидеть и поучиться на человека.

Т. Х. Уайт. Король былого и грядущего (Перевод С. Ильина)



1. Новые друзья на новом месте

Я сделал большую ошибку, родившись человеком. Будь я чайкой или рыбой, я достиг бы куда большего.

Юджин О'Нил. Долгий день уходит в ночь



Все здесь казалось Лунгу знакомым. Туман над лесом у входа в пещеру. Запах моря в холодном утреннем воздухе. Каждая былинка, каждый цветок напоминали ему о горах Шотландии, где прошло его детство. Но Шотландия была сейчас далеко, как и Подол Неба, долина, которую последние уцелевшие на Земле драконы уже два года звали своим домом.

Лунг обернулся и взглянул на дракона, спавшего позади него на подстилке из мха и листьев. Зубцебород был самым старшим из всего их племени. Во сне он подергивал крыльями, словно хотел улететь вслед за дикими гусями, тянувшимися стаяй по серому небу; но ему предстоял в ближайшее время куда более дальний перелет. В Лунный край – так называли драконы те места, вход куда открывала лишь смерть. Зубцебород единственный не полетел со всеми к Подолу Неба. Такие расстояния уже тогда были ему не по силам. Когда прежняя родина драконов ушла на дно водохранилища, добрые друзья подыскиали ему новый дом поближе.

Пещера, где спал Зубцебород, была рукотворной. Ее построил тролль по плану людей, разбиравшихся в драконьих потребностях. Но в Мимамейдре принимали не только драконов. Тролль, садовый гном, русалка или кобольд – здесь могло найти прибежище любое сказочное существо, хотя пришельцы-южане жаловались порой на студеную норвежскую зиму. Мимамейдр. Название места казалось Лунгу таким же чудесным, как и его обитатели. Здесь для каждого находилось подходящее жилище, на любой вкус и размер. Пещеры, гнезда, конюшни, крошечные домики для гномов... на берегу фьорда неподалеку, в соседнем лесу, на лугах, поблескивавших сейчас от росы в лучах восходящего солнца.

– Как себя чувствует Зубцебород?

Мальчик, появившийся на пороге пещеры, недавно отметил свое четырнадцатилетие. Волосы у него были черные как вороново крыло. Глаза глядели на мир с бесстрашным любопытством. И Лунг пролетел тысячи километров, только чтобы увидеть его.

Бен Визенгрунд.

Когда они познакомились в заброшенном здании портового склада, Бен еще не носил фамилию Визенгрунд. Он был тогда бездомным сиротой. Но Лунг сделал его своим ездоком и взял с собой в путешествие, благодаря которому оба обрели новую родину. Кроме того, у Бена появились родители и сестра: Барнабас, Вита и Гиневер Визенгрунд, защитники сказочных существ, – семья, лучше которой не мог пожелать себе юный Повелитель драконов.

– Он много спит, – ответил Лунг. – Но с ним все в порядке. Он готовится. Когда я в следующий раз прилечу тебя навестить, его тут уже не будет.

Бен погладил Зубцеборода по серебристой шее. Блестящая чешуя темнела с каждым днем, как будто он постепенно сливался с ночью, любимым временем драконов. Над огромным спящим телом кружили в темноте крошечные огоньки, словно пылинки в солнечном луче.

– Началось! – прошептал Бен.

– Да. – Лунг положил морду ему на плечо. Никогда еще человек не присутствовал при мирном уходе дракона из жизни. Лунгу пришлось объяснить Бену и Визенгрундам, как это происходит. Ни в одной из написанных людьми книг не было об этом ни слова: похоже, никто из тех, кто в былые времена так лихо рубил драконьи головы, не задержался посмотреть, что будет дальше.



Бен поднял взгляд к потолку пещеры, где с каждым днем собиралось все больше огоньков.

– Дракон, когда умирает, сеет новые звезды, – объяснил им Лунг. – Чем спокойнее его уход, тем их бывает больше. Если же дракона постигает кровавый конец, то рождаются красные звезды, хранящие его боль и ярость. К сожалению, таких на небе немало!

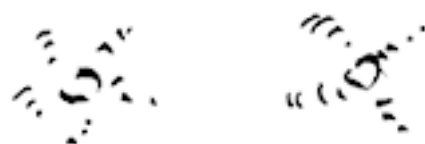
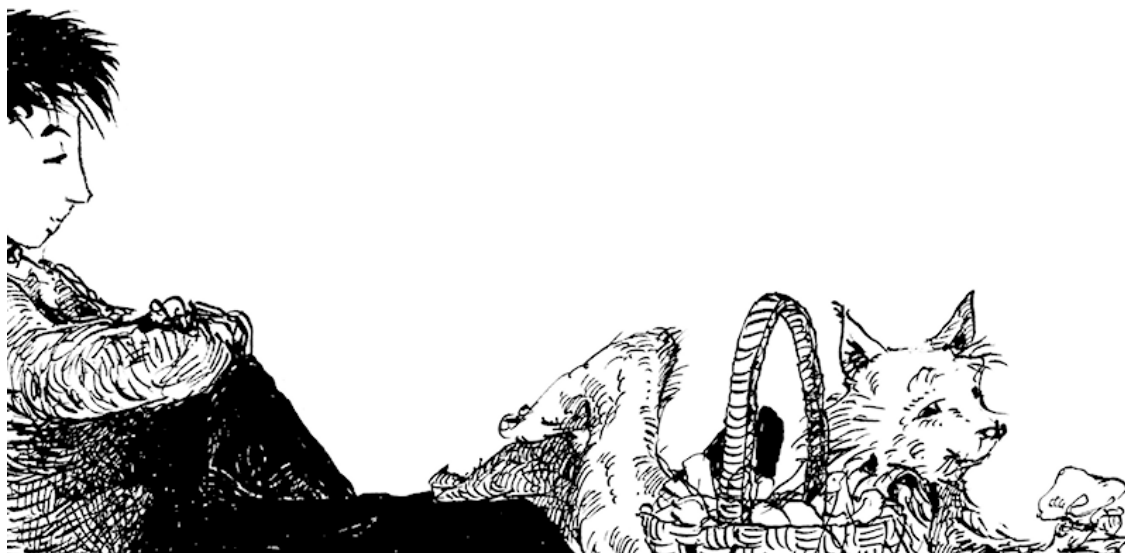
Зубцебород не станет сеять красные звезды. Его уход будет мирным – об этом позаботятся все обитатели Мимамейдра. И все они станут по нему скучать. Особенно Бен. Он всегда приходил к старому дракону, когда тоска по Лунгу становилась невыносимой. Подол Неба скрывался в вершинах Гималаев, а это страшно далеко от Норвегии.

– Лунг! На костре бы их всех зажарить! Я знаю, драконьим огнем не стоит разбрасываться. Но это будет благое дело, честное слово!

И Бен, и Лунг хорошо знали пронзительный голосок, без стеснения нарушивший утреннюю тишину.

Серношерстка.

При первой встрече Бен принял ее за гигантскую белку, чем сильно обидел Серношерстку. Теперь он, конечно, знал о сказочных существах куда больше и ни с кем не спутал бы шотландского кобальда. Тем более что драконы нуждались в кобальдах не меньше, чем в питающем лунном свете.



– Видели бы вы, какой они подняли скандал! Из-за нескольких лисичек! – Серношерстка смущенно понизила голос, увидев, что Зубцебород спит. – Как будто все грибы в этом чертовом лесу – их собственность! – Она опустила корзинку наземь. – С какой стати, спрашивается? Только потому, что сами они выглядят как ходячие шампиньоны? На мой вкус, грибы без рук и ног куда приятнее на вид! Пусть скажут спасибо, что я их не ем!

Зубцебород приоткрыл золотистые глаза и насмешливо фыркнул:

– Серношерстка! Голос кобольда разбудит меня, наверное, и в Лунном краю!

– Да уж, от них никуда не укроешься!

Из кармана Беновой куртки вылез, потирая сонные глазки, крошечный человечек. Это был Мухоножка, гомункулус – судя по всему, последний гомункулус на свете, с тех пор как чудовище по имени Крапивник сожрало одиннадцать его братьев. Алхимик, создавший Крапивника, сотворил и Мухоножку. Другого отца у этого крохи не было, и он горько сожалел об этом. Быть искусственным – нелегкая доля, даже если в друзьях у тебя такие необычные существа, как драконы и кобольды.



– Ну что, опять поругалась с грибовниками? – ехидно спросил он Серношерстку, карабкаясь вверх по руке Бена и располагаясь у него на плече.

– Подумаешь! – фыркнула она в ответ. – Грибовники! Горчичники! Одиновы гномы! Ежовники! Эта мелкота с ума может свести! Поговорил бы ты с родителями, что ли, – обратилась она к Бену. – Пусть введут ограничения по размеру! Что-нибудь вроде: «В Мимамейдр принимаются только существа ростом не ниже собачьей холки». Остальные пусть остаются дома!

– Ага, мне, значит, вид на жительство не светит? – осведомился Мухоножка раздраженно.

Гомункулус долго не мог привыкнуть к кобольдихе и даже сейчас, после двух лет знакомства, с трудом выносил некоторые ее выходки.

Бен обычно утешал Мухоножку тем, что у водяных и лепреконов характер не в пример хуже; сам он в свое время тоже не сразу поладил с Серношерсткой.

Кобольды не терпят, когда кто-то встает между ними и их драконом. Серношерстка долго терзалась недоверием и ревностью к мальчику, который так быстро покори́л сердце Лунга.

– Ладно, ладно. – Она присела на колени перед Зубцебородом. – Тебе бы только поспорить. Интересно, гомункулы все такие? Поди знай, когда их всего один! – Серношерстка запустила бурую мохнатую лапу в полную до краев корзину и достала рыхлый гриб снежно-белого цвета. – Это редкость! Я рыскала по лесу больше двух часов, отряхнула с лап дюжину грибовников, пока его нашла. Когда у кобольдов мех начинает сесть, они едят по такому грибу в день. Так что и дракону он пойдет на пользу! Вы предпочитаете лунный свет, знаю, знаю. Но даже Лунг иногда делает исключение для вкусных цветов и ягод, которые я ему приношу. Их ведь не так легко отыскать в Гималаях! – Кобольдиха бросила укоризненный взгляд на Лунга.



Серношерстка положила гриб Зубцебороду между лапами. Видно было, что свой дар она отрывает от сердца. Всякий, кто хоть немного имел дело с шотландскими кобольдами, по этому жесту сразу догадался бы, как сильно Серношерстка любит старого дракона. Кобольды знают лишь одну страсть, сравнимую с привязанностью к своему дракону: грибы, большие и малые, плотные и рыхлые. Серношерстка часами могла описывать цвет, форму и вкус своих любимых грибов. Зубцебород, разумеется, все это прекрасно знал: за долгую жизнь у него сменилось три кобольда. Все они ушли в Лунный край раньше его, и он сильно по ним скучал. Поэтому он был очень рад, что не только Лунг, но и Серношерстка не побоялась далекого путешествия, чтобы с ним проститься.

– Это поистине царский подарок, дорогая моя Серношерстка! – Старый дракон изогнул шею в благодарственном поклоне. – В искусстве собирать грибы тебе никогда не было равных! Если позволишь, я отложу твой подарок на ужин.



– А с грибовниками я поговорю, – добавил Бен.

Он сам вызвался опекать в Мимамейдре гномов (грибовники, как ни крути, тоже к ним относятся) и уже не раз пожалел о своем решении. Гиневер, его приемная сестра, выбрала водных существ, и Бен ей просто завидовал. Даже фоссегримы, норвежские водяные-скрипачи, не могли сравниться с гномами в сварливости.

Но едва Бен, ступив за порог пещеры, направился к норам грибовников, прямо перед ним, откуда ни возьмись, выпорхнула тучеворона и опустилась на мокрую от росы траву. Тучевороны умеют отлично маскироваться.

– Боевая тревога! – прокаркала она. – В штаб! Срочно!

Тучевороны любят выражаться по-военному, а также напускать на себя важность и загадочность. Но они и правда первоклассные разведчики и надежные гонцы. Ворона явно была в восторге, и Бен с Мухоможкой обменялись встревоженными взглядами. Тучевороны приходят в восторг только от плохих новостей.



2. Звонок из Греции

Мне кажется, природа для человека — главный источник вдохновения и видимой красоты, важнейший стимул интеллектуального интереса. Из нее мы черпаем большую часть того, что придает жизни ценность.

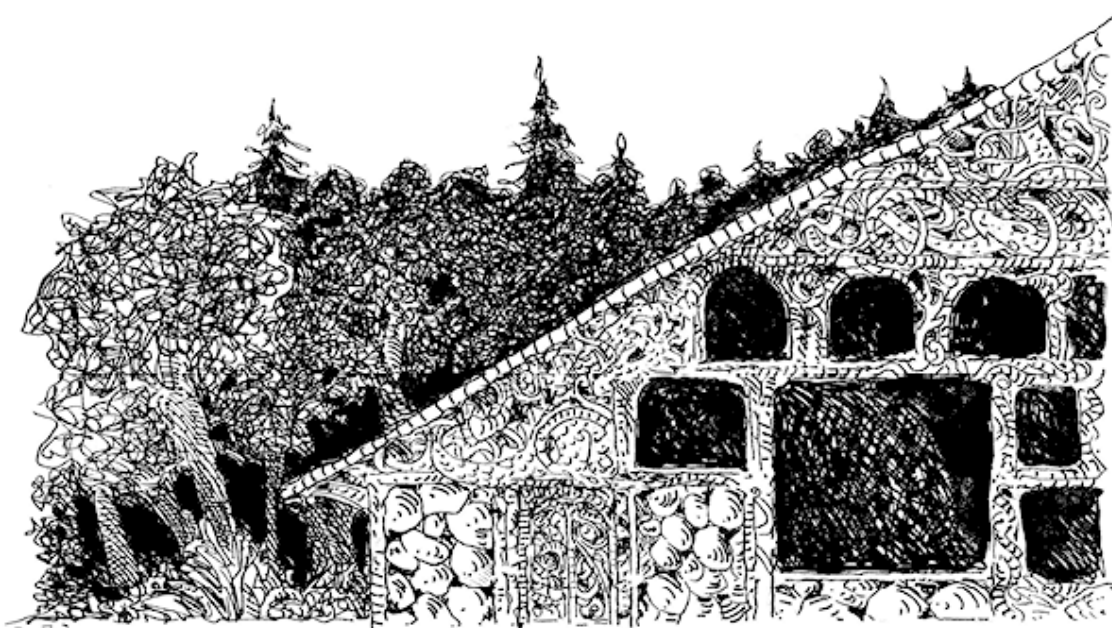
Сэр Дэвид Аттенборо



Немногие здания на этом свете умеют прятаться. Но главная усадьба Мимамейдра настолько сливается с лесом, водой и землей, что посетители обычно замечают ее, только уже стоя прямо перед входом. Бену всякий раз казалось, что он идет в гости к деревянно-каменно-стеклянному живому существу, которое обожает играть в прятки. Кто знает, может быть, усадьба и правда была живой. Ведь построил ее фьордовый тролль!

Звали его Хотбродд, и в Мимамейдре все строилось под его руководством. Для большинства построек Хотбродд собственноручно выпиливал по размеру доски и балки, а затем неделями трудился над фасадами, украшая их искусной резьбой. Вот и сейчас, ни свет ни заря, он чистил резные фигуры над входной дверью резакон, при виде которого трудно было не испугаться — как, впрочем, и при виде самого тролля. Одну из балок обвивал деревянный дракон, очень похожий на Лунга, но были там и гигантские спруты, и кентавры, и фоссеграмы со скрипочками. Хотбродд мог вырезать из дерева любого обитателя нашей планеты.





– Треклятые вороны! – ворчал тролль, когда Бен подошел к нему с Мухоножкой на плече. – Я им когда-нибудь шеи посворачиваю, если не перестанут гадить на мою резьбу!

Хотбродд был примерно на метр выше взрослого мужчины, но Бен уже привык к его огромным размерам. Это не так уж трудно, когда лучший друг у тебя – дракон!

Кожа у Хотбродда была серо-зеленая и шершавая, словно кора дуба. С тех пор как Бен с ним познакомился, у него ни разу не возникло сомнений, что тролли – вопреки тому, что о них часто рассказывают, – не только очень сильные, но и очень умные создания. «Фьордовые тролли, – непременно добавил бы сам Хотбродд. – Горные тролли действительно такие болваны, как о них говорят». Впрочем, он и о людях был не лучшего мнения (хотя делал исключение для Визенгрундов). Тролль предпочитал общаться с соснами, буками и дубами, и то, что он создавал из дерева, казалось настоящим волшебством. Благодаря Хотбродду постройки Мимамейдра были чудом, под стать его обитателям, а главная усадьба в особенности. Наружные стены состояли в основном из стекла, а деревянные переплеты Хотбродд так густо покрыл резьбой, что Бен до сих пор открывал там все новые фигуры.

Да, в целом свете не было дома волшебнее.

Свой родной дом Бен помнил смутно, как и родителей. Они погибли в автокатастрофе, когда ему едва исполнилось три года. Следующие семь лет Бен провел в здании, которое жившие там дети никогда не называли домом. Там вообще не произносили этого слова, как и слов «папа» и «мама». Зачем говорить о том, чего у тебя нет и чего тебе так не хватает, что при одной мысли об этом становится плохо? Папа и мама были для Бена в детстве такими же сказочными существами, как дракон, с которым он познакомился в одиннадцать лет. Из детского дома Бен попал в приемную семью, но там с ним так плохо обращались, что он сбежал – и больше не позволял себе мечтать о доме и родителях.

Пока не познакомился с Визенгрундами. Наверное, мечту нужно сначала похоронить, чтобы она осуществилась.

Названные родители Бена – так любили говорить о себе Барнабас и Вита Визенгрунд – посвятили жизнь защите редких существ от человеческой жадности и любопытства. Богатства такая работа не приносит. Когда Бен поселился у Визенгрундов, они жили в крошечном доме на северо-западе Англии. Бен и его новая сестра Гиневер делили детскую с шестью храпящими

хобами (как называют в Англии домовых) и несколькими травяницами, чудом спасшимися от соседской газонокосилки.

Но однажды Визенгрунды обнаружили у себя на крыльце шкатулку из-под сигар, в которой лежало десять бриллиантов чистейшей воды. Это был подарок горных гномов, которых Визенгрунды успели эвакуировать, прежде чем место их обитания взорвали, прокладывая новое шоссе. Так названные родители Бена получили возможность осуществить свою мечту – построить убежище для сказочных существ. Норвегию, а не Англию они выбрали потому, что в тамошних безлюдных лесах их необычные питомцы меньше бросались в глаза, а еще потому, что предки Барнабаса Визенгрунда были оттуда родом.



Хотбродд заступил на утреннюю вахту не один. У его ног Бен увидел дюжину домовят, смотревших разинув рот, как ловко тролль орудует огромным резакom. Вокруг Хотбродда вечно крутился молодняк домовых и гномов. Видеть эту мелюзгу возле громадных тролличьих сапог было жутковато, но ни одна кроха ни разу еще при этом не пострадала.

– Привет, Хотбродд! Не знаешь, что стряслось? У тучевороны, которая нас сюда вызвала, был подозрительно довольный вид.

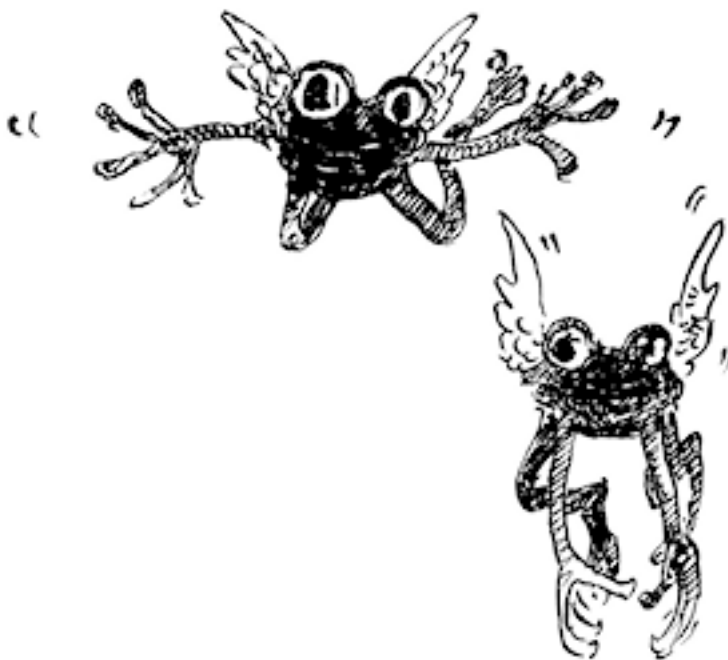
Мухоножка на плече у Бена зевнул, воспитанно прикрыв рот ладонью.

Хотбродд нахмурился, соскребая вороний помет с макушки деревянного гнома.

– Из Греции что-то, – буркнул он. – Кажись, действительно скверные новости.

Бен и Мухоможка встревоженно переглянулись. Греция... Прошлой осенью Вита и Барнабас обнаружили в тамошних горах чету пегасов. На днях Вита с Гиневер отправились их проведать.

Бен сдал грязные сапоги лепрекону, жившему в гардеробе у входной двери, и вошел в дом, который любил сильнее всех домов на свете. На стенах висели портреты и фотографии друзей и соратников семьи Визенгрунд. У многих в роду были сказочные существа, даже если это не сразу бросалось в глаза. Немного заостренные уши, коровий хвост, перепонки между пальцами ног – все это нетрудно было скрыть. Даже шерстяную поросль на лице удавалось выдать за густую бороду и бакенбарды. Клюв профессора Буцероса и жабры доктора Угорь – с ними было уже сложнее, поэтому ни тот ни другая не показывались на публике за пределами узкого круга непосредственных сотрудников СВОСКАСОЗ. («Свободу сказочным созданиям!» – такое название дали Бен и Гиневер организации, созданной их родителями. Вита и Барнабас предпочитали называть себя защитниками.) Под фотографиями доктора Угорь спало на собачьей лежанке семейство летающих свинок-ватоби, которых приятель Визенгрундов спас в Конго от браконьеров. Из-под гардероба высовывался чешуйчатый хвост фотомелеона, а с люстры под потолком на Бена тарасились две пернатые лягушки. Ну как было не любить Мимамейдр?



«Штаб». Барнабасу Визенгрунду не нравилось, как тучевороны прозвали его библиотеку, хотя во многих отношениях это было верно подмечено. Библиотека занимала самое большое помещение в доме, и вдоль двух ее стен, как и полагается в библиотеке, подымались до самого потолка тесно заставленные книжные полки. Зато внешняя стена была стеклянная, и казалось, что книги стоят прямо в лесу. Зимой сквозь голые ветви проглядывал расположенный неподалеку фьорд, но сейчас, дождливым майским утром, в нежно-зеленой листве между гнездами овсянок и пеночек деловито обустраивались воронники и томте.

Барнабас, как всегда, встретил Бена приветливой улыбкой, и все же мальчик сразу понял, что случилось что-то очень нехорошее.

Четвертую стену библиотеки увешивала дюжина мониторов, с которых защитники сказочных существ со всего мира сообщали о новых претендентах на убежище в Мимамейдре.

Сейчас светился только один экран, и на нем можно было различить силуэт Гиневвер. Изображение и звук были ужасного качества, и Бен снова пожалел, что Барнабас не захотел потратить деньги, вырученные хоть за один бриллиант, в новые компьютеры и веб-камеры. Но тот справедливо возражал на это, что количество беженцев в Мимамейдр растет с каждым днем, а значит, подарок гномов нужно расходовать очень экономно.



И все же – «жабья слизь, птичий помет!», как любил ругнуться Хотбродд, – Гиневвер на мониторе было так плохо видно, будто сигнал шел как минимум с другой планеты. Впрочем, вслушавшись в ее слова, Бен мгновенно забыл о скверных камерах: на свете явно были заботы поважнее.

– ...Мы думаем, носатая гадюка. Это такой ужас, папа! Синнефо, наверное, случайно наступила на змеиное гнездо. Яд подействовал быстрее, чем на человека. Анемос в полном отчаянии!

Бен ошеломленно посмотрел на Барнабаса. Синнефо была самкой пегаса. Самца звали Анемос. Это были, судя по всему, последние два пегаса на свете. Еще недавно весь Мимамейдр ликовал, когда Лола Серохвост, их лучшая разведчица (и единственная в мире летающая крыса), вернулась из Греции с фотографиями трех свежеснесенных пегасовых яиц в аккуратном гнездышке.

В дверь просунулся Хотбродд и с тревогой уставился на монитор, где теперь показалась Вита. Бен не называл Виту Визенгрунд мамой – как и Барнабаса папой, – хотя очень любил ее. Они были для него больше чем мама и папа – еще и друзья, учителя, защитники. Ему, кажется, пока не случалось видеть Виту такой грустной. Глаза у нее были заплаканные, как и у Гиневвер, а Вита нечасто плакала.

– Представляешь, Барнабас, Анемос ничего не ест, сколько мы ни уговариваем! Он почти помешался с горя! Он не хуже нас понимает, что может теперь потерять и детей. Норвежской весной непросто будет сохранить яйца в тепле, но мне кажется, если мы не перевезем Анемоса вместе с гнездом в Мимамейдр, у жеребят просто нет шансов выжить. Гиневвер тоже так думает.

Гиневвер утвердительно кивнула. Многим было в диковинку, что Визенгрунды всерьез прислушиваются к мнению своих детей. «И правда странно! – заметил как-то Барнабас по этому поводу. – Как будто они не замечали, что возраст далеко не всегда прибавляет ума. Более того, по моим наблюдениям, ограниченность и тупость часто – пугающе часто! – нарастают с каждым новым днем рождения».

Визенгрунды так ценили сотрудничество с детьми, что Бен и Гиневвер не ходили в школу, а учились дома. У них были потрясающие учителя! Мухоможка учил их истории и древним языкам (очень полезный предмет, когда имеешь дело с существами, чей возраст нередко исчисляется тысячелетиями), доктор Феба Гумбольдт, учительница волшебномироведения, провела четыре года на затонувшем корабле у побережья Лигурии, изучая нимф и водяных. Географию преподавал Гильберт Серохвост: Барнабас уговорил белую крысу переселиться из портовых складов Гамбурга в Мимамейдр и составлять карты, где отмечены места обитания всех известных им сказочных существ. Людей среди учителей было немного; в частности, Джеймс

Спотисвуд пытался обучать их математике, биологии и физике. Это было не проще, чем приучить волков к мысли, что гномы не еда. Но в награду за каждую решенную естественнонаучную задачу профессор Спотисвуд давал им урок роботоведения и телепатии, так что его ученики очень старались. В общем, Бен и Гиневер учились всему необходимому для выполнения той миссии, которой они, по следам родителей, решили посвятить жизнь: быть защитниками существ, которые без их помощи скоро останутся только на картинках в детских книжках.

– Поддерживать температуру в стойле – не проблема. – Хотбродд достал из кармана кусок дерева и принялся вырезать из него ящерицу. – Шерстопряды могут утеплить гнездо и стены.

Барнабас кивнул – не очень уверенно.

– Отлично, – сказал он, глядя на монитор. – Хотбродд приготовит стойло, а я попрошу Ундсет быть здесь к вашему приезду. Я что-то сомневаюсь, что ей уже приходилось лечить пегасов, но, наверное, она все же сможет нам помочь, чтобы мы не потеряли еще и Анемоса.

Ундсет, молодая врач-ветеринар из соседней деревни, нередко лечила обитателей Мимамейдра. Не так-то просто найти человека, на чье молчание можно было бы положиться. Немало любителей охоты заплатили бы целое состояние за информацию, что в Норвегии есть где пожить такой редкой дичью, как водяные кони и драконы. Но Ундсет, Холли Ундсет, так страстно ненавидела охотников на волков и медведей, что Барнабас в один прекрасный день пригласил ее в Мимамейдр.

Когда погас монитор, с которого Вита и Гиневер сообщили страшную новость, в библиотеке воцарилось тяжелое молчание. Даже Хотбродд опустил свой резак. На одной из книжных полок были расставлены фотографии пегасова гнезда. Бен подошел ближе и уставился на три серебристых яичка размером меньше куриных. Гиневер уже расписывала в красках, какими крошечными будут жеребята, когда вылупятся, но Вита объяснила ей, что яйца пегасов спустя два месяца начинают увеличиваться.

– Мы можем обогревать яйца электрическим одеялом, – предложил Бен. – Или положить в инкубатор, куда мы клали брошенную кладку диких гусей – помните?

Но Барнабас покачал головой:

– Нет, это не подойдет. И не только потому, что техника в присутствии сказочных существ часто отказывает. Дело в том, что яйца некоторых крылатых созданий лопаются от соприкосновения с металлом или пластмассой. Мы не можем идти на такой риск. Мухоножка, ты собрал большую часть этой библиотеки и, в отличие от нас всех, прочитал все эти книги. Можешь нам что-нибудь посоветовать?

Гомункулус явно почувствовал себя польщенным.

– Я припоминаю, что у нас есть факсимильное издание одной итальянской рукописи, где среди прочего говорится о яйцах пегаса, – сказал он, обводя взглядом полки. – Ах, где же это там было? Минутку!

Он проворно спустился по руке Бена и, балансируя по спинкам стульев и столам, добрался до своего ноутбука величиной со спичечный коробок. Бен и профессор Спотисвуд собрали его специально для Мухоножки. Гомункулус научился печатать на нем с такой же легкостью, с какой он осваивал любое новое знание, и даже разработал собственную программу, в которой никто, кроме него, не мог разобраться.

– Так. Вот оно: «Яйца пегаса. Особенности: смотри итальянскую алхимическую рукопись семнадцатого века. Страница двадцать семь, строка шестнадцать».

Мухоножка захлопнул ноутбук и в мгновение ока вскарабкался на высокий стеллаж, полностью оправдывая данное ему имя.

Гомункулус обожал свой мини-компьютер. Он вел в нем дневник, заносил каждое ново-прибывшее в Мимамейдр сказочное существо в таблицу, включавшую описание, происхождение и пищевые предпочтения, а также сохранял в бесчисленных файлах разнообразнейшую информацию о сказочных существах и других диковинах. Но его пылкая любовь к книгам

оставалась неизменной. Остроносое личико Мухожки сияло детским восторгом над печатными страницами, и чем старше была книга, тем благоговейнее он переворачивал бумажные или пергаментные листы. Бен всякий раз тревожно вздрагивал, видя, как гомункулус тащит с полки тяжеленный том, способный придавить его насмерть. Вот и сейчас книга, которую Мухожка после недолгих поисков вытянул из ряда других, размерами намного превосходила его самого.

– Дорогой Мухожка, позволь, я тебе помогу! – Барнабас, очевидно, разделял страхи Бена.

Он снял с полки гомункулуса и книгу и опустил на стол, под которым сидел хобгоблин, большой любитель поиграть на губной гармошке – на слух Бена, исключительно фальшиво.

– Минуту терпения... Сейчас найду... – Мухожка переворачивал пергаментные страницы бережно, словно опасаясь, что они рассыплются под его крошечными пальцами. – Двадцать пять, двадцать шесть... Да, вот это место! Тут очень старый итальянский, я вам переведу на современный язык... – Он откашлялся, как всегда перед тем, как прочесть что-нибудь вслух. – Яйцо крылатого коня, называемого *pegasus unicus*, одно из величайших чудес на свете. Его скорлупа, серебристая вначале, становится прозрачной по мере того, как подрастает внутри жеребенок, и кажется под конец сделанной из драгоценного стекла. Но по прочности она может поспорить с алмазом. Самое удивительное начинается, когда жеребенок достигает возраста шести недель. К этому моменту он уже такой большой, что ему становится тесно в яйце. И тогда мать принимается лизать скорлупу, и яйцо от этого увеличивается, не теряя твердости. Но... – тут Мухожка запнулся и бросил испуганный взгляд на Бена и Барнабаса, – но такое действие оказывает только материнская слюна. Если с матерью что-то случается, яйцо не растет, и жеребенок задыхается в непробиваемой скорлупе.



Хотбродд с такой силой воткнул резак в стол, под которым сидел хобгoblin, что тот выронил гармошку из мохнатых пальцев. За окнами начался дождь. Барнабас подошел к стеклянной стене, с которой дюжина хрустальных улиток слизывала стекающие капли, и поглядел наружу.

– Хотбродд, ты не мог бы послать ворону к Ундсет, чтобы она была в курсе и постаралась быть у нас, когда придет пегас?

Троль молча кивнул и вышел, тяжело ступая.

Бен стоял, размышляя. Последний пегас здесь, в Мимамейдре... Хорошо, что Ундсет – надежный человек. Подумать страшно, что было бы, узнай широкая публика о присутствии тут крылатого коня. Раньше Барнабас публично заявлял о том, что верит в сказочных существ. Но теперь Визенгрунды пришли к выводу, что единственный шанс сохранить жизнь этим созданиям – это держать их существование в тайне. Принципами, на которых основывалась система помощи, стали тайна и разветвленная сеть посвященных, в число которых не так просто было попасть. СВОСКАСОЗ объединял теперь не только защитников гигантских спрутов, сфинксов и горных гномов, но и многочисленных борцов за права других исчезающих видов, будь то

гориллы, серые тюлени, рыси, морские черепахи или любые другие удивительные существа, находящиеся на грани вымирания.

Хоттброд вернулся. В дверях ему приходилось пригибаться. Мухоможка спросил его однажды, почему он сделал дверь на человеческий рост, хотя здесь ходят самые разнообразные существа. «Это не на человеческий рост, гомункулус. Это на рост Барнабаса», – проворчал тролль в ответ. Гиневер подозревала, что Хоттбродд обязан Барнабасу жизнью, но ни из того, ни из другого не удавалось вытянуть, при каких обстоятельствах они познакомились.

– И как мы будем увеличивать эти яйца без матери, а, Барнабас? – Тролль часто произносил вслух то, что остальные думали про себя. Барнабас очень ценил его за это.

– Понятия не имею, Хоттбродд, – пробормотал Барнабас, неотрывно глядя на дождь за окном. – Хорошо еще, если и отец у нас не помрет с горя. Врать не буду: я просто не знаю, что делать. Но... – он повернулся к мониторам, глядевшим со стены, – друзья-то у нас на что?



3. Защитники

В любом происходящем безобразии виноват не только тот, кто его творит, но и те, кто ему не препятствует.

Эрих Кестнер. Летящий класс



Несколько часов спустя с мониторов Мимамейдра взирал целый сонм озабоченных лиц. Бен их знал всех и всеми восхищался. Вот, например, Жак Мопассан, специалист по диковинным созданиям водного мира (в это понятие входили, разумеется, также киты, дельфины и кораллы). Сэр Дэвид Аттиксборо, один из самых известных в мире режиссеров-натуралистов, помогал СВОСКАСОЗ снимать видеоролики, направляющие охотников и торговцев дикими животными по ложному следу. Ноябрь Тан организовывал по всему миру противобраконьерские патрули и изучал по заданию СВОСКАСОЗ пищевые привычки сказочных существ. Мэйси Ричардсон с большим успехом занималась защитой травяных и папоротниковых фей, а Джейн Гриделл не только могла непринужденно беседовать с любым приматом, но и изобрела язык жестов, позволяющий объясниться практически с любым живым существом на нашей планете.

Вскоре разгорелась жаркая дискуссия о том, как спасти жеребят. Мопассан предложил, когда яйца станут малы жеребят, натирать скорлупу слюной дракона – все сотрудники СВОСКАСОЗ знали, что Барнабас Визенгрунд в прекрасных отношениях с драконами. Ноябрь Тан спросила, не проводилось ли экспериментов со слюной морского коня. Мэйси Ричардсон сказала, что может попросить фей из своего сада осыпать скорлупу своей пылью – вдруг яйца от этого начнут расти. Джейн Гриделл рассказала, как выхаживала преждевременно вылупившихся птенцов слоновьего страуса, а Инуа Элламс предложил укрепить жизненную силу жеребят пением райской птицы-целителя (чей напев он впечатляюще изобразил). Барнабас заинтересованно кивал на все предложения, но Бен видел, что морщины у него на лбу становятся все глубже.

– Дорогие друзья и коллеги, – заговорил наконец Визенгрунд. – Огромное спасибо вам всем от меня лично и прежде всего от имени несчастного отца. Мы непременно обдумаем все поступившие предложения. Райская птица как раз гостит сейчас в Мимамейдре, и даже драконы у нас есть, но их слюна слишком уж пышет пламенем, так что это предложение не годится. Разбить яйца прежде, чем жеребят настанет срок вылупиться, тоже, боюсь, невозможно. Нет, мы должны найти другой способ увеличить яйца. Но какой? – Барнабас вздохнул так, что с десяток ниссе повысовывались из-за книжных корешков. – И как нам это разузнать за неполные две недели? Ясно одно – если наше предприятие не удастся, мы потеряем последних жеребят пегаса на свете. Судя по всему, это будет означать окончательное исчезновение вида.

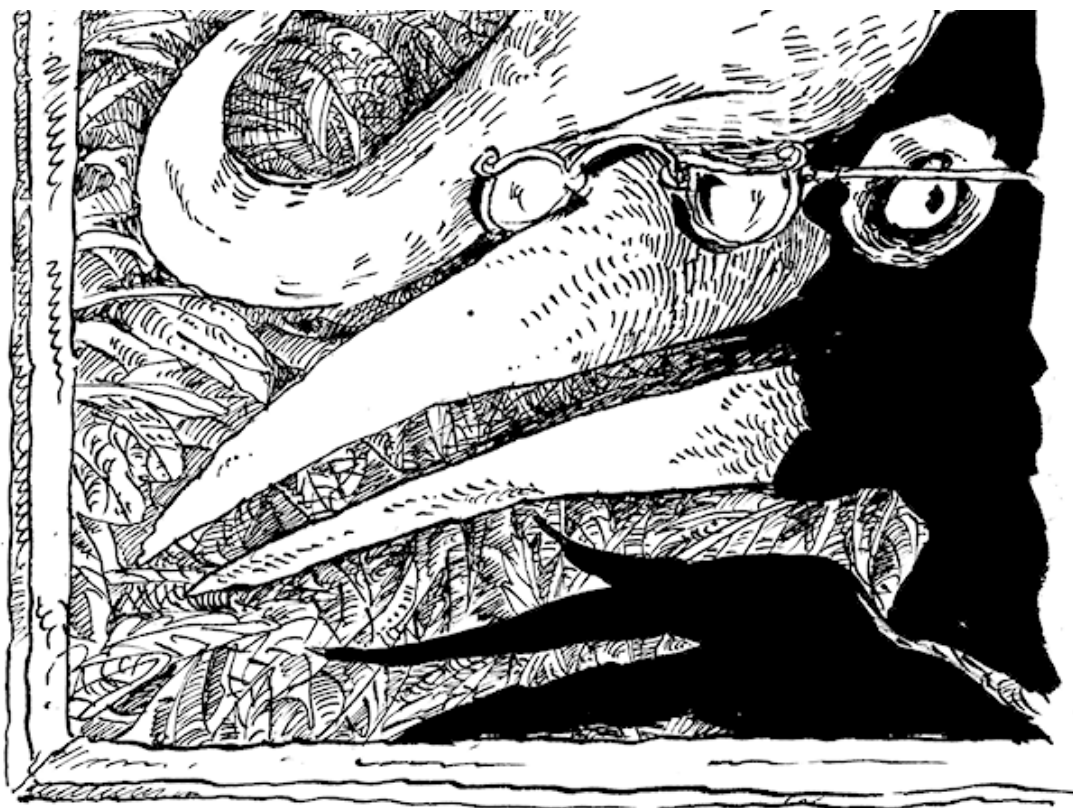
– Барнабас, это была бы катастрофа! – воскликнул Инуа Элламс.

– Невосполнимая потеря для нашей планеты! – вторил ему сэр Дэвид.

Негодующие восклицания слились в невнятный гул, заполнивший библиотеку.

Внезапно весь этот шум перекрыл пронзительный свист. Он раздался с монитора, до сих пор остававшегося темным. Новоприбывший явно не принадлежал к сотрудникам СВОСКА-СОЗ из числа людей. Очки сидели у него на огромном клюве, и поправил он их черным как смоль пером.

– Извини за опоздание, Барнабас! – прохрипел Зутан Буцерос, птица-носорог впечатляющих размеров и библейского возраста. Он неоднократно консультировал Визенгрундов в связи с защитой сказочных существ Юго-Восточной Азии. По подсчетам Барнабаса, Зутану было шестьсот двадцать лет. Слушая дребезжащий старческий голос, Бен охотно верил в это.



– Мой ассистент, – продолжил Буцерос, – изложил мне проблему. Выдвигалось ли уже предложение спасти жеребят с помощью солнечных перьев грифона? Ведь в их стержнях содержится вещество, от которого растут даже металл и камень.

Ответом стала такая полная тишина, что Бен и Мухоножка недоуменно переглянулись. На лицах, глядевших с мониторов, выражалось не просто неприятие, а даже что-то вроде испуга. И лишь Барнабас вдруг просиял.

– Нет, Зутан, такое предложение не выдвигалось, – откликнулся он. – Чрезвычайно интересно! Мне очень стыдно, что я сам до этого не додумался. Похоже, это решение проблемы.

– Да ты что, Барнабас! – воскликнула Джейн Гриделл. – Грифоны, знаешь ли, не славятся услужливостью. Как раз наоборот! Они презирают всех и вся! Для грифона все живое – добыча. С нами, людьми, они общались когда-то только потому, что и мы мыслим сходным образом, но это было давно, больше тысячи лет назад! А потом, после очередной битвы, они объявили человечеству войну, и с тех пор их никто больше не видел.



– Весьма обоснованная, как все мы знаем, реакция на две большие А человеческой природы, – прокомментировал Зутан Буцерос.

Бен вопросительно посмотрел на Барнабаса.

– Алчность и амбиции, – шепнул тот.

– Да, Зутан, все здесь присутствующие испытывают боль и стыд за две большие А. – Это Барнабас произнес вслух. – Позволю себе заметить, что все мы постоянно доказываем это на деле. Но сейчас речь не о людях, а о том, чтобы не допустить гибели последних крылатых коней!

– Боюсь, Барнабас, это лишь усугубляет проблему. – Напевный голос Инуа Элламса был словно подбит темным бархатом. – Насколько я знаю, грифоны считают лошадей самыми презренными и ненужными существами на свете. И крылья тут ничего не меняют.

Собравшиеся дружно кивнули с экранов, причем с явным облегчением. Бен мало что знал о грифонах, но несколько лет назад огромная птица, так называемая птица Рух, едва не скормила его своему детенышу. У грифонов, помнилось Бену, такой же чудовищный клюв и вдобавок еще львиные лапы и – как будто этого мало – ядовитая змея вместо хвоста.

– Я искал пегасов более двадцати лет, – сказал Барнабас. – И все эти годы боялся, что их больше нет, как и столько других замечательных существ. И вот, когда наконец впервые за сотни лет есть надежда даже на приплод, я должен отступить? Ни за что! Я не стану сидеть сложа руки и смотреть, как эти дарящие счастье создания исчезают из мира, где живу я и мои дети! Даже если это означает, что мне придется обратиться за помощью к сказочным существам, гордящимся своей жестокостью и умением убивать!

Дискуссия, разгоревшаяся после этих слов, грозила, по опыту Бена, затянуться на много часов. В какой-то момент Барнабас отвел его в сторону и попросил рассказать Лунгу об ожидаемом прибытии пегаса.

– Только ни слова ему об идее Зутана! – прошептал он мальчику на ухо. За их спинами продолжался спор о том, можно ли купить у грифона солнечное перо за золото. – Лунг не должен знать, что мы, возможно, отправимся на поиски грифонов. Инуа прав: они глубоко презирают лошадей и прочих подобных животных. Но только один род существ на всем свете они считают своими конкурентами и заклятыми врагами, и это...

– Драконы, – закончил фразу Бен.

– Именно! Ты знаешь не хуже меня: если Лунг узнает о нашем плане, он предложит свою помощь, а это было бы для него крайне опасно.

Бен кивнул. Хотя и знал, что ему совсем не просто будет обманывать Лунга.

– Но что мне ему сказать? – прошептал он. – Ведь если мы отправимся в путь, пока он еще здесь, он спросит, куда мы летим!

– Может, – Барнабас наморщил лоб, – скажешь ему, что мы ищем перо феникса? Это не опасно, и ему не придет в голову, что нам нужна помощь.

Не придет в голову? Лунг так хорошо его знал!

Мухоможка наверняка сумел бы очень убедительно преподнести историю о фениксе. («Еще бы! – не преминула бы ехидно прокомментировать Серношерстка. – Не зря же он был

предателем и шпионом».) Но гомункулус остался с Барнабасом, чтобы, как обычно, вести протокол дискуссии. Бену очень его не хватало, когда он брел к пещере Зубцеборода, в десятый раз мысленно подбирая нужные слова. Не важно. Барнабас прав. Лунг непременно захочет помочь им, если узнает правду, а с этими грифонами, похоже, действительно шутки плохи... Бен вынужден был признаться себе, что ему уже не терпится на них посмотреть.



4. Не вся правда

Я верю в фей, в мифы, в драконов. Все это существует, пусть даже только у тебя в голове. Кто может утверждать, что мечты и сны менее реальны, чем то, что происходит здесь и сейчас?

Джон Леннон



Когда Бен подошел к пещере Зубцеборода, он застал там лишь нескольких одиночных гномов: они подружились с Зубцебородом потому, что были почти так же стары, как он. Гномы сказали Бену, что Лунг пошел вниз, к фьорду. Даже самые крупные сказочные существа удивительно умеют скрываться от человеческих глаз. Пожалуй, это и есть их главное отличие от обычных животных. Но у Бена глаз был натренированный: он привык отыскивать их в густой чаще леса или непроглядной тьме пещеры, а кроме того, силуэт, который он сейчас высматривал, был ему самым родным на свете. Он нашел Лунга на берегу фьорда, на обрыве таком крутом, что сосны на его краю далеко нависали над водой. Даже теперь, после стольких лет знакомства, Бен всякий раз поражался, как неподвижно умеет лежать дракон – так полно сливаясь с окружающим миром, что большинство людей даже не заподозрили бы, что он тут.



Присутствие Лунга притянуло в Мимамейдр еще больше сказочных существ, чем обычно. Лунг и Зубцебород притягивали даже тех, кто не нуждался в убежище у Визенгрундов. Фьорд был полон русалок и водяных, а опустившись на траву рядом с Лунгом, Бен услышал звуки сразу трех фоссегримовых скрипок.

– Что случилось? – Дракон медленно склонял голову, пока она не оказалась на одном уровне с глазами Бена. – У тебя встревоженный вид.

Да, никто не знал его так, как Лунг. И многие месяцы, проведенные ими в разных концах мира, ничего не изменили. Разве может он его обманывать? Да, может и должен. Ведь это нужно, чтобы уберечь Лунга от опасности. Дракон и его ездок... Бывали ночи, когда Бен не мог уснуть от тоски по Лунгу. И даже в драгоценные дни, которые они проводили вместе, он ни на минуту не мог забыть о новой предстоящей разлуке. «Это цена, которую платишь за дружбу с существом, настолько отличным от тебя, – сказал Барнабас как-то вечером, обнаружив Бена

в одиночестве на заднем дворе тоскливо глядящим на восток. – Тебе всегда нужны будут люди, а Лунгу всегда придется от них скрываться. Но тем драгоценнее ваша дружба». Барнабас, несомненно, был прав, и все же Бен с трудом мог примириться с тем, что он видит Лунга так редко, хотя он никогда не признался бы в этом своему дракону. Полет из Непала в Норвегию был слишком рискованным предприятием, чтобы пускаться в него без веских причин.



– Барнабас просил сообщить тебе, что мы ожидаем очень необычных гостей.

Бен прислонился к серебристой груди Лунга. Как чудесно чувствовать исходящие от него тепло и силу!

Дракон молча выслушал дурные вести из Греции.

– Я уверен, что Барнабас найдет выход! – сказал он, когда Бен закончил рассказ.

– Да. Мы, похоже, отправляемся искать перо феникса. – Бен рад был, что ему не нужно сейчас смотреть Лунгу в глаза.

– Перо феникса? Мне казалось, оно сжигает все, к чему прикоснется.

– Нет-нет, это не такое перо. Мухоможка где-то вычитал, что эти перья... гм... что эти перья очень полезны для пегасовых яиц.

О боже! Бену хотелось провалиться сквозь землю. Надо же так не уметь врать!



Но мысли Лунга, к счастью, были заняты Зубцебородом, медленно превращавшимся в звездную пыль, так что он не заметил смущения своего ездока и сказал только:

– Что ж, фениксы очень отзывчивые существа. Они непременно вам помогут. А я очень рад буду познакомиться с пегасом.

Позади раздался шорох. Лунг поспешно прикрыл Бена огромной лапой, но это просто Серношерстка вышла к ним из леса.

– Пегас? Это еще что? Они едят кобальдов?

На взгляд Серношерстки, мир был бы прекрасен, останься в нем только кобальды и драконы. На усилия Визенгрундов по спасению всех созданий, жизни которых угрожает человек,

она лишь недоуменно качала головой. Но раз Лунг помогал им, то и она поступала так же. Она, конечно, снова ходила за грибами. У Бена сжалось сердце при виде сразу трех плотно набитых торб, перекинутых через мохнатое плечо.

Серношерстка собирала провизию на дорогу.

Лунг положил морду Бену на плечо.

– Мы вылетаем через три дня. Зубцебород сказал, что хочет проститься с нами, пока у него еще есть силы. Драконы предпочитают встречать смерть в одиночестве. В отличие от кобольдов, – добавил он тихо. – Этим чем больше публики у смертного одра, тем лучше.



Три дня. Через три дня наступит полнолуние. Все правильно. Для серебряных драконов – лучшее время для полетов.

– Не могу представить, что, когда я в следующий раз прилечу к вам в гости, Зубцеборода здесь уже не будет. Он был всегда, сколько я себя помню. Он был уже взрослым драконом, когда моя бабушка была ребенком. Такая долгая жизнь. Наверное, в конце концов от нее устаешь. Мне кажется, ему уже не терпится распрощаться с этим миром.

Бен молча кивнул. Он стыдился, что слезы, выступившие на глазах, не имели отношения к Зубцебороду – он просто не мог вынести мысли об очередном расставании с Лунгом. Привыкнет ли он когда-нибудь прощаться со своим драконом? Без жуткого ощущения, будто от него отрывают часть его самого?

Серношерстка, конечно, ничего не заметила. Кобольды вообще не отличаются чуткостью. Она гордо раскладывала перед ними свою добычу.

– Вы только поглядите! Неплохо за один поход, правда? Три лисички, четыре ежовика, четыре овечьих трутовника, два рыжика, один белый гриб и один подосиновик!

– Мимамейдр нравится ей куда больше, чем Подол Неба! – прошептал Лунг Бену. – В Гималаях, по ее мнению, вообще нет приличных грибов.

Серношерстка сердито глянула на дракона:

– И что, ты оценил мою жертву? Как бы не так! «Серношерстка, почему бы тебе не остаться в Мимамейдре? Серношерстка, я и без тебя справлюсь!» Противно слушать! – Она осторожно, словно хрупкий фарфор, укладывала грибы обратно в торбы. – У дракона должен быть кобольд. Так всегда было и так будет, списс йифтшлёрсопп! – Серношерстка обогатила свой и без того небедный запас ругательств норвежскими названиями поганок. – Даже если

мне придется теперь до конца жизни питаться сморчками! Вот чего я никогда не пойму, – она перевела взгляд на Бена, – это почему у вас, людей, эта гадость считается деликатесом.

У дракона должен быть кобальд... «А у Повелителя драконов должен быть дракон!» – мысленно продолжил Бен.

Как же он ненавидел эту тяжесть на сердце! И все-таки, утешал он себя, это куда лучше, чем в те времена, когда ему не с кем было расставаться и не по кому скучать.

– Как ты думаешь, – предложил Лунг на ухо Бену, пока Серношерстка с победным кличем срывала с соснового пня склизкий желтый гриб, – не взглянуть ли нам, что там поделяют драугры? Кажется, они собирались устроить бега водяных коней.

Серношерстка еще укладывала новую добычу в торбу, а Бен уже сидел у Лунга на спине.

– Если Барнабас или Мухожка будут меня искать, – крикнул он ей оттуда, – скажи, что мы вернемся часа через два!

– Мухожка? – Серношерстка нахмурилась. – Волоконница трещиноватая! – Она сердито сплюнула и сбросила с бурой шерсти паука. – Пусть скажет спасибо, что я до сих пор не свернула ему тощую шею! Представляешь, он выдал мои лучшие грибные места ниссе только потому, что их ребятня любит белые грибы! Ниссе! Их еда – мушиные и комариные личинки, и нечего их баловать!

– Серношерстка, – строго проговорил Лунг, – ты, наверное, забыла, что Мухожка рисковал ради нас жизнью?

– Ты имеешь в виду – после того, как предал нас?

Кобальды страшно злопамятны. Серношерстка никогда не забудет, что гомункулус служил когда-то злейшему врагу ее дракона, – не важно, что Мухожка потом помог им одержать над ним победу. Крапивник... Золото в любом виде до сих пор напоминало Бену о нем. Чудовище, созданное человеком, убившее тысячи драконов и сожравшее одиннадцать братьев Мухожки... Грифоны по сравнению с ним наверняка невинные младенцы.

Лунг протиснулся между деревьями, расправил крылья и взмыл в воздух. Бен вцепился в зубцы на его спине. Да, он будет скучать и по Серношерстке. Еще как! Странная вещь сердце. Пока дракон нес его в небо, Бену казалось, что оно вот-вот лопнет от счастья. Но он знал по опыту, что сердца отличаются поразительной прочностью.

Как в радости, так и в горе.



5. Единственный в своем роде

*Хочешь знать, кем ты был, –
Посмотри, кем ты стал.
Хочешь знать, кем ты станешь, –
Посмотри, что ты делаешь.*

Будда (560–480 до н. э.)



Когда Бен вернулся с прогулки с Лунгом, все остальные уже сидели за ужином. Мухоножка, как всегда, примостился за крошечным столиком, стоявшим у тарелки Бена. Хотбродд смастерил его специально для гомункулуса вместе с подходящим по размеру стулом (как и домик, стоявший у Бена на ночном столике). Барнабас беседовал с Таллемайей, их шведской кухаркой, чьи болотного цвета волосы выдавали, что мать ее была хульдрой. Бен не слышал, о чем они говорят, но не сомневался, что речь идет о провизии на дорогу. Ему уже случалось видеть такое выражение на лице Барнабаса: решение принято – они отправятся на поиски грифонов.

Обеденный стол – работы Хотбродда – стоял на резных львиных лапах, но сегодня они представлялись Бену задними ногами грифона. Стол, как вся мебель, изготовленная троллем, мог по мере надобности увеличиваться или уменьшаться – крайне полезное свойство в Мимамейдре. За завтраком вокруг него обычно как раз помещались Визенгрунды и столик Мухоножки (гомункулус очень сердился, если какой-нибудь ниссе или гном пытался занять его место). Зато сегодня вечером, например, к ним присоединились двенадцать испанских дуэнде, три голштинских лесовика, две кузины Хотбродда тролльских кровей и альбатрос, доставивший Гильберту Серохвосту информацию для одной из его карт. На кухне порядком чертыхались, поскольку всем этим гостям требовалось, разумеется, совершенно разное угощение. Правильно составить меню было в Мимамейдре нелегкой задачей, но Таллемайе помогали одиннадцать ниссе, две огнемандры и шестирукий непальский кобольд.

За столом, как обычно, царил веселье. Похоже, никто из гостей не замечал озабоченного вида хозяина, а Бен был так погружен в свои мысли, что не обратил внимания на необычную молчаливость Мухоножки. А между тем сегодня исполнялось триста пятьдесят лет с того рокового дня, когда Крапивник сожрал его братьев, и, как всегда в этот день, Мухоножку особенно терзала тоска. Был бы у него хоть один сородич на этом свете! За триста пятьдесят лет Мухоножка так и не смог расстаться с мечтой, что где-то может найтись еще один гомункулус. Ведь в Средние века целые полчища алхимиков пытались создать искусственную жизнь. Но

с каждым проходившим веком надежда Мухоножки таяла, как догорающая свеча. Не так-то просто быть единственным в своем роде на целом свете, да к тому же еще и искусственным. Конечно, теперь у него был Бен и Визенгрунды. Но многое Мухоножка не мог объяснить даже им. Зачастую он и не пытался, опасаясь, что его чувства и мысли – такая же ненормальность, как способ, каким он появился на свет. Бен и Барнабас знали, конечно, как сильно его томит одиночество. Они снова и снова отправляли разведчиков СВОСКАСОЗ на поиски гомункулов, но пока все попытки оставались безуспешными.



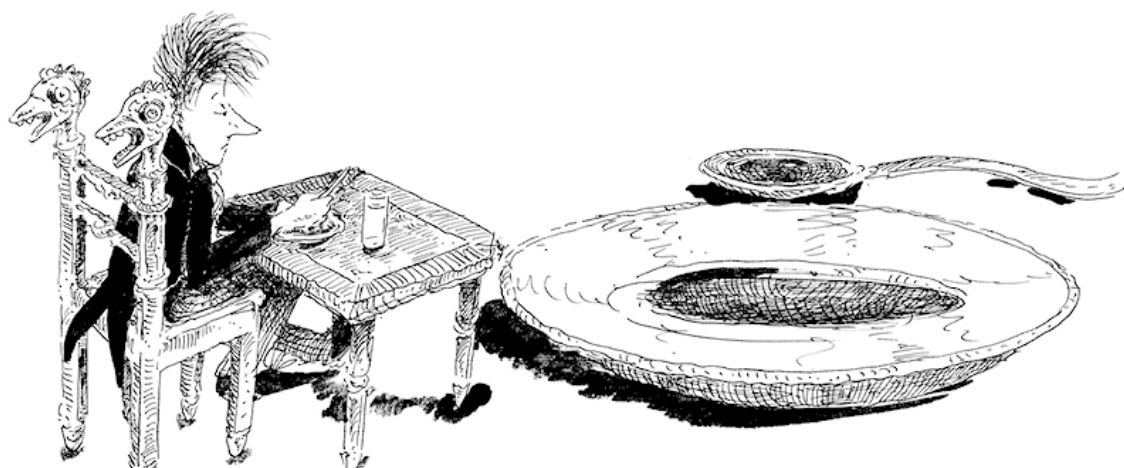
Сам Мухоножка немало ночей просидел в Интернете, собирая сведения о крошечных человечках, но попадались ему только грубо состряпанные фальшивые изображения эльфов или гномов. Наверное, пора было смириться с тем, что он последний оставшийся на свете гомункулус.

Бен положил на крошечную тарелку кусочек своего омлета.

Сердце Мухоножки растаяло от нежности. Зачем ему сородичи, когда у него такие друзья? «Думай о пегасовых яйцах, Мухоножка! – строго приказал он себе. – Разузнай побольше о грифонах на случай, если хозяин в самом деле отправится с Барнабасом на их поиски». Но все его благие намерения растаяли как дым, когда один из лесовиков рассказал, прихлебывая суп, что недавно наткнулся в Интернете на ролик о человечке размером с кузнечика. Бен спросил, не хочет ли он пойти с ним и Барнабасом осмотреть приготовленное для пегаса стойло, но Мухоножка пробормотал какую-то отговорку и поспешил к своему компьютеру.

На видео оказался халтурно уменьшенный человек.





6. Отец и сын

Отчее сердце есть совершеннейшее создание природы.
Антуан Франсуа Прево. Манон Леско (Перевод М. Петровского,
М. Вахтеровой)



Хотбродд приготовил для пегаса и его еще не вылупившихся жеребят стойло прямо за домом. Когда Бен с Барнабасом зашли туда, шерстопряды как раз укладывали последние нити утеплителя, которым они выстлали стены изнутри. Бену при виде шерстопрядов всегда делалось немного не по себе. Они были похожи на пузатых пауков, у которых почему-то отросли человеческие головы; но Хотбродд беседовал с ним так же охотно, как со своими любимцами – деревьями. Серебристым пухом, примешанным к соломе на полу, поделился полярный гусь-болтун, которого Барнабас спас, когда из него хотели набить чучело; с десятков финских огнемандр излучали приятное тепло. Над дверью стойла висели две камуфляжные лампы – изобретение Джеймса Спотисвуда, одного из учителей Бена. В свете этой лампы сказочные существа казались обычными домашними животными. Заявись в стойло непрошенные гости, они увидели бы вместо пегаса обычную лошадь.

– Отличная работа, Хотбродд!

Троль бережно, словно бабочек, собирал шерстопрядов со стен. На слова Барнабаса он лишь кивнул, как бы соглашаясь с его мнением.

– Пойду покормлю шерстопрядов, – пробурчал Хотбродд. – Они страшно голодные, когда прядут. Смотрите, чтоб огнемандры не подожгли солому. И выгоните их, прежде чем нести сюда яйца.

И троль тяжело зашагал прочь.

Барнабас присел на переложенную гусиным пухом солому и оглядел утепленную шерстопрядами стену.

– Вита говорит, что пегас ничего не ест.

– С этим Ундсет справится – не волнуйся! – Бен опустил на корточки рядом с ним. – Помнишь, у нас водяной конь отказывался есть? Мы его вытащили из воды полуживым. Ундсет пару раз навестила его, и он сразу стал есть и катал Гиневер по всему фьорду!

– Да, точно, – кивнул Барнабас. – Хорошо, что ты мне напомнил. Беда в том, что мы мало что можем сообщить Ундсет о пегасах. Все согласны в том, что они появились из крови медузы, но это почти все, что мне о них известно. Притом что я долгие годы собирал любую информацию о крылатых конях! Они еще пугливее и недоверчивее, чем обычные дикие лошади, и могут

быть очень опасны, если их напугать. Хорошо, если Анемос подпустит Ундет осмотреть себя. Это просто чудо, что Вита смогла его уговорить поехать к нам. Он согласился, наверное, только потому, что совершенно оглушен гибелью своей подруги.

За их спиной несколько грибовников разглаживали солому для пегасова гнезда. Четверо из них были похожи на ходячие мухоморы, а два других казались шампиньонами, которым приделали руки и ноги. Грибовники не скрывали, что терпеть не могут людей, но в Мимамейдре они с удовольствием брались за чистку стойл, поскольку остро нуждались в грязной соломе для выращивания грибов. Грибовники, тучевороны, ежовники... Множество сказочных существ из окрестных лесов работали в Мимамейдре за пищу, одежду или жилье. В особенности зимой: это сильно помогало им выжить.

Бен вытянул из соломы серебристое гусиное перо и погладил переливающийся пух.

– Барнабас, а ты знаешь, как выглядят эти солнечные перья грифона?

– Они длиной в две-три ладони и на вид из чистого золота. Но при этом, говорят, легкие и мягкие, как и это, гусиное. Здорово звучит, правда?

Да, так и есть.

– Знаешь, – тихо произнес Барнабас, – мне уже начинает нравиться мысль, что мы отправимся искать этих чудищ. Конечно, очень неприятно сознавать, что спасение последних пегасов зависит от доброй воли грифона. Один из моих любимых героев, неподражаемый Нагиб Саид Насреддин, восемьсот с лишним лет назад наблюдал на юге Анатолии за стаей грифонов и вел при этом подробнейший дневник. Последние записи в нем сделаны рукой его слуги, потому что вожак стаи оторвал Насреддину руку по самое плечо и много лет держал его в плетеной клетке, как птицу. В конце концов один могущественный правитель выкупил его за ящик золота. Позже Насреддин продиктовал своему слуге рассказ об этих событиях, и там говорится: «Идя к грифону, всегда бери с собой золото. Есть лишь одна вещь, которую небесные львы любят сильнее своих сокровищ, – война».

Да, похоже, грифон не то существо, к которому можно просто обратиться с просьбой.

– Но ты хоть знаешь, где их искать? – По руке Бена скользнула огнемандра. Казалось, по коже течет горячий воск. – Джейн Гридалл сказала, что их вроде уже несколько веков никто не видел.

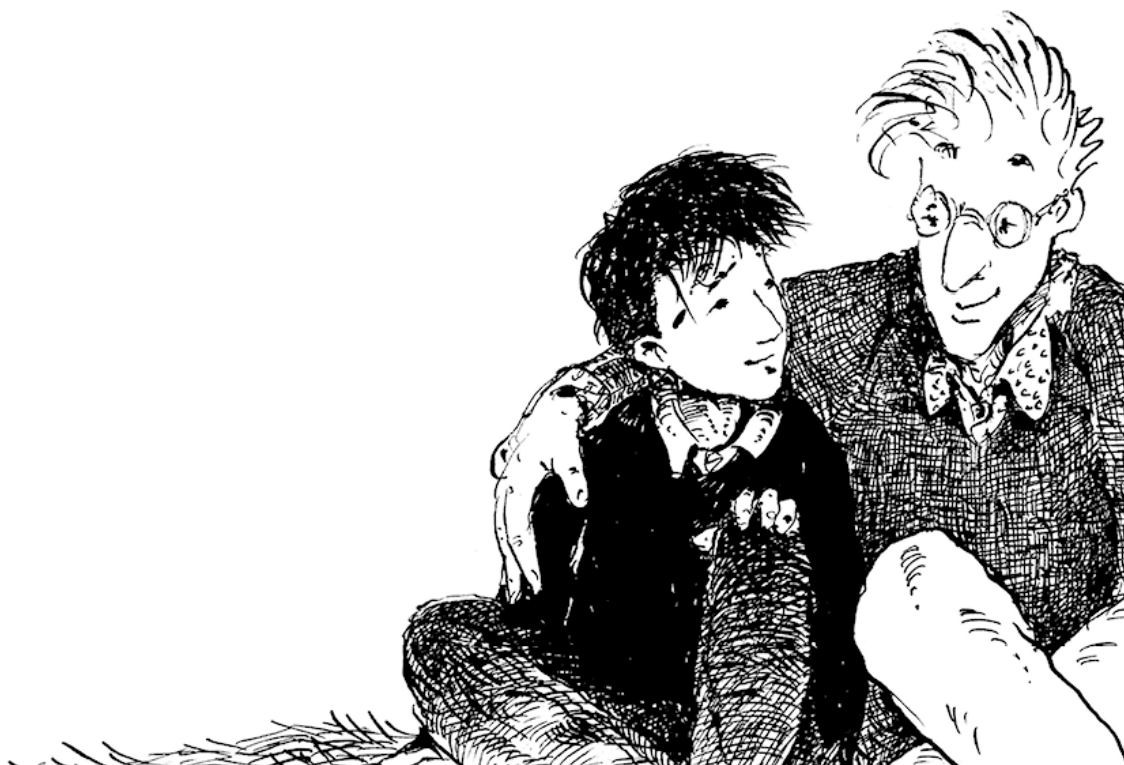
Барнабас снял очки и принялся протирать их подолом рубашки. Бен так хорошо знал этот жест, будто Барнабас Визенгрунд и вправду был его отцом. Сознать это было приятно.

– Несколько десятилетий назад прошел слух, что на одном из островов Индонезии живет стая грифонов, – заговорил Барнабас. – Это, надо сказать, довольно расплывчатое указание. Индонезия насчитывает более семнадцати тысяч островов. И даже если мы найдем грифонов, толк от пера будет только в том случае, если мы самое позднее спустя десять дней вернемся с ним сюда, в Мимамейдр. Маловато времени для путешествия на другой конец света, поиски и переговоры с грифонами. Но три маленьких пегасика! – Барнабас снова надел очки и обнял Бена за плечи. – Ты слышал о том, что рождение пегаса будто бы приносит счастье на семижды семь лет? Это нашему миру очень пригодилось бы, правда? Мы спасем этих жеребят! Даже если какой-нибудь грифон оторвет мне за это руку! Только не говори Вите и Гиневер, что я это сказал.

Дверь стояла открылась.

В нее просунулась голова Хотбродда. Но прежде чем тролль успел разжать зеленые губы, между его ногами в проем проскочил Мухоножка.

– Он здесь, хозяин! – прокричал он тонким, пронзительным голосом.



Даже для гомункулуса, прожившего на этом свете четыре столетия, встреча с последним пегасом была событием.

– Ты знаешь индонезийский язык, Мухоножка? – тихонько спросил его Бен, сажая человека себе на плечо. Сам он, к своему стыду, не знал даже толком, где находится Индонезия.

– Смотря какой, господин! – ответил Мухоножка. – Индонезийских языков более семисот. Я свободно говорю только на сунданском и минангкабау, но могу сносно объясниться еще на десятке диалектов.

Для Бена всегда оставалось неразрешимой загадкой, как в такой крошечной голове помещается столько знаний. По сравнению с этим собственная голова казалась ему пустым запыленным чердаком. Он при всем желании не мог теперь представить себе, как когда-то обходился без Мухоножки. И конечно, все были бы только рады, если бы жеребят можно было спасти каким-нибудь менее рискованным способом, без солнечных перьев. И все же мысль, что они, может быть, увидят грифона, будила в Бене неудержимое любопытство. Интересно, он такой же страшный, как василиск? Или как Крапивник, бывший хозяин Мухоножки, до сих пор являвшийся Бену в ночных кошмарах? А передние ноги у них птичьи или львиные, как и задние? На картинках, которые ему случалось видеть, их изображали по-разному.

И тут Бен забыл о грифонах.

Темнота перед стойлом поблескивала светляками и кружащимися роями переливчатых фей. Даже звезды, казалось, сияли ярче, а ветер в кронах шептал радостное приветствие. Как будто мир до краев наполнился светом и музыкой.

В Мимамейдр прибыл последний пегас.



7. Последний пегас

О, крылатый конь!
Уильям Шекспир. Цимбелин



Дружба с драконом влечет за собой знакомство со множеством волшебных существ. О каждом Бен сохранял благодарную память, но ни одно из них не восхищало его так, как Лунг. До той минуты, пока он не увидел перед домом стоявшего рядом с Гиневер крылатого коня. Счастье, которое Бен испытывал в присутствии Лунга, состояло из огня и воздуха, из серебристого лунного света и энергии пламени, пляшущего на ветру.

Пегас принес с собой счастье, совсем иное на вкус. Оно пахло землей, собирающимися тучами и громом, мокрой от росы травой и отсветами звезд на перьях и шерсти.



Анемос был ненамного больше обычного коня и вовсе не пегий, как часто изображают пегасов. Шерсть и крылья у него были багряные, словно лучи заката. Только копыта отливали серебром, как чешуя Лунга.

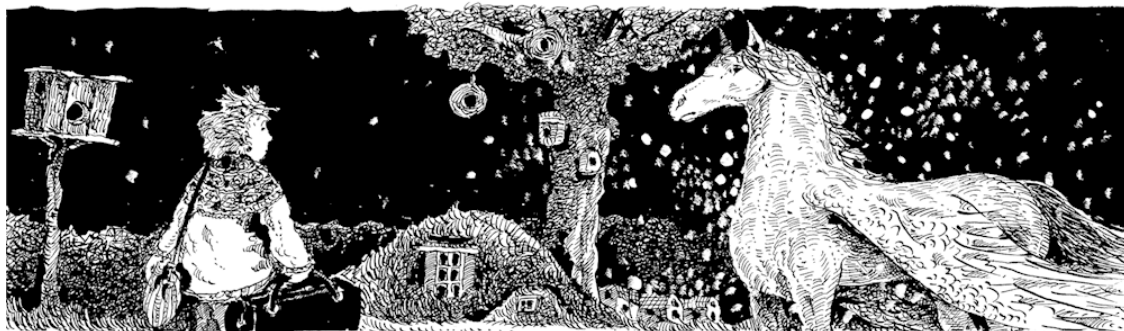
Столько силы и красоты! Столько света! Но боль утраты окутывала пегаса, словно облако. Вита и Гиневер пошли с Хотброддом отнести в стойло гнездо с яйцами. Анемос подошел к Барнабасу, тяжело ступая копытами, налитыми отчаянием, будто свинцом.

– Спасибо тебе, Визенгрунд, – хрипло произнес он. – Мои крылья и разум ослабели от горя, и мне трудно поверить, что я не потеряю детей, как потерял их мать. Мне легче оттого, что ты, как я вижу, еще на что-то надеешься.

Барнабасу стоило больших усилий не рассказать пегасу о перьях грифона. Но тогда Анемос, как и Лунг, захотел бы отправиться с ними, а для него грифоны представляли еще большую опасность, чем для дракона.

– Да, надежда определенно есть! – заявил он. – Но сначала мы должны привести тебя в порядок. Я вызвал врача. У нас тут есть женщина, которая лечит сказочных существ. Надеюсь, ты позволишь ей себя осмотреть?

– Врач? – Пегас опустил голову. – Она найдет разбитое сердце, Барнабас. Разве от этого можно вылечить?



Холли Ундсет не заставила себя ждать. Она была маленькая, полненькая, каждый месяц меняла цвет волос, носила просторные свитера с норвежским узором – и чуть не выронила свой чемоданчик, увидев Анемоса перед стойлом. Его красноватая шкура поблескивала в лунном свете, словно он был медной статуей, во всем великолепии пробудившейся к жизни, и Ундсет счастливой улыбкой поблагодарила Барнабаса за все волшебство, которое он принес в ее жизнь, а потом попросила пегаса пройти с ней в стойло.

Когда Ундсет вышла оттуда, на лице у нее читались одновременно облегчение и тревога.

– Он здоров, насколько я могу судить. Я, конечно, никогда прежде не лечила пегасов, однако анатомически они на удивление мало отличаются от лошадей. Но он убит горем! Жеребята, наверное, единственная наша надежда вернуть ему вкус к жизни. Если он еще и детей потеряет... – Ундсет озабоченно покачала головой. – Вы должны их спасти, Барнабас!

– Мы работаем над этим, – отозвался Барнабас. – Эх, было бы у нас немного больше времени!

8. Дальний путь и мало времени

*Дикие животные – это как целая библиотека непрочитанных книг.
Бездумно уничтожать их, как мы это делаем, – все равно что побросать
все книги в огонь, даже не заглянув в них.*

Конгрессмен Джон Д. Динджелл



В комнате, где Гильберт Серохвост составлял свои несравненные карты, людям было не повернуться, не говоря уж о троллях вроде Хотбротта. Даже посетителю размеров Мухоможки промежутки между горами книг и журналов казались труднопроходимыми узкими расщелинами. Все выглядело в точности как на портовом складе, где Бен впервые повстречался с белой крысой. Стопки источников и материалов грозили обрушиться каждую секунду. Позавчера такая лавина накрыла юного ниссе, сунувшего в книжки любопытный нос. Хорошо еще, что дети ниссе не отличаются хрупкостью.

Гиневер приоткрыла дверь, как всегда, очень осторожно – и все равно они с Беном тут же увязли по колено в бумажном оползне. Он состоял не только из книг, картонных коробок и каталожных карточек. Куда там! Выписки и распечатки, ракушки, открытки, заморские сувениры и гусиные перья... Казалось невероятным, что в этой обстановке Гильберт составляет карты, дававшие Визенгрундам весьма упорядоченное представление о мире.

– Гильберт?

Бен, как всегда, не мог отыскать во всей этой неразберихе самого хозяина. Наконец Гиневер показала вверх, на пластину из оргстекла, которую Хотбротт по просьбе Гильберта не так давно повесил между полками. С пластины свешивался длинный голый хвост. Бен разглядел теперь, что крыса сидит там за огромным для ее роста письменным столом. Время от времени с высоты доносились тихие проклятия: Гильберт возмущался, что чернила сохнут слишком медленно, что краска стекает с кисточки мимо контура, что бумага не лежит ровно... Вырывавшиеся у него при этом ругательства выдавали, что юность он провел на корабле. Но упоминать об этом в его присутствии не следовало, как и о слухах, что Гильберт Серохвост стал картографом, потому что не мог справиться с морской болезнью. Крыса согласилась составлять свои поистине энциклопедические карты в Норвегии вместо гамбургского порта лишь при условии, что Визенгрунды возьмут в штат и всех его основных информантов: альбатроса, двух чаек, одного дикого гуся и десяток корабельных крыс. И еще он потребовал новый компьютер. Впрочем, искусство Гильберта того стоило.

– Гильберт, мы насчет новой карты! – крикнула ему Гиневер снизу. – Той, что для поездки в Индонезию. Отец скоро отправится в путь. Готова она?

Незадолго до полуночи Барнабас объявил о своем решении: они отправляются на поиски грифонов. Виту это не обрадовало, но перед лицом чахнувшего от горя пегаса и трех осиротевших яиц возражать не приходилось.

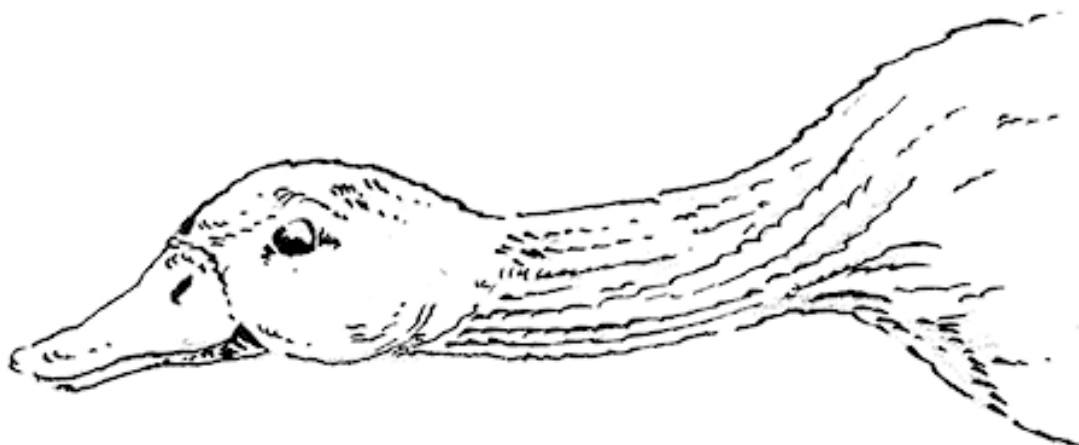
– А, это ты, Гиневер! – Крысиный хвост исчез, а сверху блеснули очки в золотой оправе. Белые лапки, цеплявшиеся за край пластины, были перемазаны чернилами. – Разумеется, карта готова. – Голос Гильберта был мягок, как цыплячий пух, но лишь потому, что крыса обращалась к Гиневер. Во всех остальных случаях его голос скорее напоминал наждачную бумагу. – Место назначения было, к сожалению, указано очень расплывчато. Поэтому я включил части Папуа – Новой Гвинеи, Малайзии и Филиппин. Лё-Лёк?



Рядом с Гильбертом возникла голова дикой гусыни. Бен уже спрашивал себя, чьи это перепончатые лапы просвечивают сквозь оргстекло. Лё-Лёк взяла в клюв сложенную карту и грациозно спланировала вниз, на стопку книг, до которой Гиневер могла дотянуться.

– Путевой журнал, я полагаю, опять будет вести гомункулус?! – крикнул Гильберт вдогонку гусиной почте. – Передайте ему, пожалуйста, чтобы он следил за своим почерком! Я убил несметное количество времени, разбирая его записи об экспедиции к спрутам!

– Непременно передам! – откликнулся Бен, хотя ни в коем случае не собирался этого делать. Мухоможка очень обижался, когда критиковали его почерк. Он гордился каждой завитушкой.



Карты Гильберта легко умещались в любой карман, но, когда Гиневер стала разворачивать новый шедевр на большом столе в библиотеке, он потребовал столько места, что Барнабасу пришлось для начала убрать со стола свою коллекцию окаменелых отпечатков лап и копыт. Эти географические карты представляли собой настоящие произведения искусства. Их можно было разворачивать до бесконечности и неделями обнаруживать новые детали, которые Гильберт укрывал в какой-нибудь складке. По картам Гильберта можно было узнать безопасные пути, места ночлега, препятствия, опасности и даже погоду.

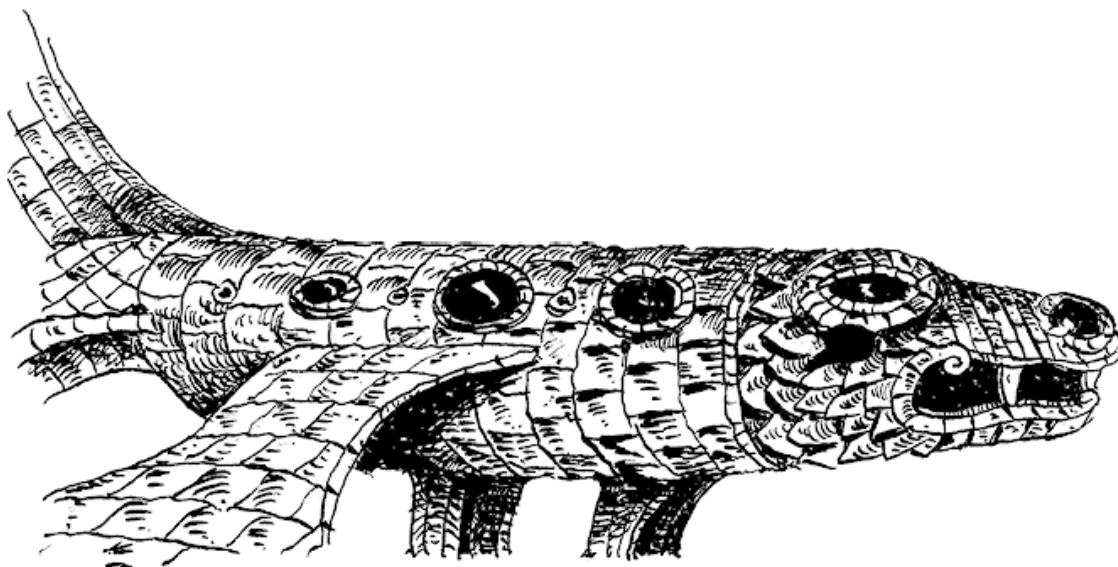


Бен уже не раз спрашивал себя, не пользуется ли крыса для их составления каким-то волшебством.

На карте, которой предстояло помочь им в поисках грифона, Гильберт проложил по указанию Барнабаса два маршрута. Красным был прочерчен путь экспедиции за грифонами; он предусматривал остановку на юго-востоке Турции. Вторая, изумрудно-зеленая линия показывала обратный путь Лунга к Подолу Неба. В Индии маршруты пересекались, поэтому Лунг предложил, чтобы до пересечения Бен летел с ним и Серношерсткой. Бен, конечно, с радостью согласился. К счастью, на юге Вьетнама обитали три семьи фениксов, так что маршрут Барнабаса не вызвал у дракона вопросов. Немногих посвященных в настоящую цель экспедиции Барнабас лично обязал молчать, чтобы ни Лунг, ни пегас ничего не заподозрили. В Мимамейдре умели хранить тайны.

Воздушное судно, на котором собирался лететь Барнабас, Хотбротт сконструировал почти целиком из дерева, как и тот грузовой самолет, на котором доставили в Мимамейдр пегаса. Тролль мог убедить почти любое дерево вырастить именно те сучья, какие требовались ему для того или иного сооружения. Самолет, которым Визенгрунды пользовались для дальних перелетов, тролль построил с помощью четырехсотлетнего дуба, который пустил побеги нужной формы специально для крыльев. Руль высоты, закрылки и двигатели были из ветроломной

древесины – что бы это ни значило. Хотбродд не склонен был давать пояснения; молчал он и об устройстве мотора, работавшего на листьях деревьев, песке или морской воде. Джеймс Спотисвуд провел не одну ночь, изучая каждую деталь, но так и не понял, как это работает. «Я с ним разговариваю», – бурчал тролль, и больше от него ничего не удавалось добиться. Самолет мог перевозить от четырех до восьми пассажиров (меняя размер в зависимости от их числа). Он садился на воду так же легко, как и на сушу, и был восхитительно красив, поскольку Хотбродд украсил его, подобно всем своим творениям, скандинавской резьбой.



О том, кто отправится в экспедицию за грифонами, споров почти не возникло. Вита и Гиневер решили остаться дома, заботиться об Анемосе и вместе с Ундсет следить за тем, чтобы яйца не остыли раньше, чем прибудет искомое перо. С Барнабасом отправлялись Бен, Мухоножка, а также Лола Серохвост, одна из бесчисленных кузин Гильберта. Она была не только единственной в мире крысой-пилотом, но и ценнейшим разведчиком СВОСКАСОЗ (в частности, благодаря тому, что самолетик Лолы был размером с ворону и обычно не привлекал внимания).

Хотбродд поначалу совсем не обрадовался, когда Барнабас предложил ему стать пятым участником экспедиции. Тролли очень не любят покидать родные леса. Но после того как Бен вывел на мониторы в библиотеке фотографии экзотических деревьев, произрастающих в джунглях Индонезии, тролль смирился с судьбой и принялся укладывать вещи.



Точный пункт назначения продолжал оставаться неясным, поэтому Гильберт начертил на обороте карты еще одну карту. Она показывала бесчисленные острова Индонезии – и от одного взгляда на нее можно было прийти в отчаяние. Где им взять проводника по этому бесконечному архипелагу, причем такого проводника, который, с одной стороны, умел бы держать язык за зубами, а с другой – не принял бы их за сумасшедших, когда они объяснят, что им нужно? У Барнабаса было в Индонезии несколько старых соратников. Вита предложила связаться с ними, но Барнабас покачал головой:

– Сомневаюсь, что проводник-человек сможет тут помочь. У меня возникла другая идея. Помнишь индийский храм, о котором нам рассказала очковая кобра-шептунья?

Вита понимающе улыбнулась, но на расспросы Бена Барнабас ответил только: «Пусть это будет сюрприз. Место очень интересное – обещаю!» Чуть больше Бену удалось узнать о запланированной остановке в Турции.

– Я попросил у старинной подруги одну вещь, на которую мы можем выменять перо, – пояснил Барнабас. – Грифоны, как ты уже слышал, весьма меркантильные существа. Боюсь, с пустыми руками мы можем с таким же успехом оставаться дома.

С пустыми руками...

Вита и Гиневер очень старались не выказать тревоги, когда Инуа Элламс во время очередного сеанса по скайпу снова настоятельно предупредил о крайней агрессивности грифонов. Визенгруды предпочитали даже самым страшным чудовищам противостоять хитростью и знанием слабостей противника, а не оружием. Тем более что оно все равно мало помогало против сказочных существ. Вита когда-то обнаружила растительный яд, способный на несколько спасительных секунд парализовать даже самых опасных чудовищ. Для его применения Бен с Мухоножкой разработали крошечные стрелы, пробивающие даже самую прочную кожу. Стрелять ими предполагалось из самописок или шариковых ручек, хотя Бену случалось использовать также соломинки, сигары, мобильные телефоны и шоколадные батончики. Как всегда в экспедициях СВОСКАСОЗ, эти стрелы будут их единственным оружием.

На вопрос Гиневер, знает ли кто-нибудь, как звучит голос грифона, профессор Элламс издал впечатляющий рев. Правда, он пояснил, что в своей реконструкции вынужден опираться исключительно на древние тексты, описывающие крик грифона как смесь львиного рыка, орлиного клекота и шипения атакующей змеи. Бен не удержался от искушения смешать эти звуки на своем компьютере в такой душераздирающий вопль, что, когда он включил воспроизведение, перед домом собрались десятки испугавшихся сказочных существ. У Бена в телефоне всегда имелся наготове плей-лист голосов сказочных существ – для отпугивания, для приманивания и для собственного удовольствия. Жемчужинами его коллекции были боевые кличи трех разных драконов, а также тихое шипение, которое они издавали перед тем, как изрыгать пламя. Правда, в индонезийских джунглях мобильник, надо думать, долго не проработает.

По подсчетам Мухоножки, пегасовы яйца станут малы жеребяткам через десять дней. Десять дней! Ну почему Индонезия так далеко? А если они не найдут грифонов? Как Бен ни старался, он не мог отделаться от этой мысли.

Он помогал Хотбродду и Вите с последними приготовлениями, когда его попросили зайти к Барнабасу в библиотеку. Такое выражение лица Бен видел у своего названного отца, только когда тот вручал ему подарки на день рождения или Рождество.

– У меня к тебе просьба, дружок! – объявил он. – Конечно, ты можешь отказаться, но я думаю, задача тебе понравится. Вита обратила мое внимание на то, что ни в одной легенде, ни в одной сказке и истории не говорится о встрече пегаса и дракона. Вполне вероятно, что пути этих сказочных существ еще никогда не пересекались. Разве не замечательно было бы, если бы в Мимамейдре наконец состоялась их встреча, пусть даже и Лунг, и Анемос прибыли сюда в связи с печальными обстоятельствами? Мы с Витой согласны в том, что представить их друг другу может только совершенно особый человек и что никто не подходит на эту роль лучше, чем Повелитель драконов. Что скажешь? Взятся бы ты за это?

Бен онемел.

– Конечно, – промямлил он наконец. – Если... Если вы правда думаете, что я подхожу. Но...

– Ты подходишь! – перебил его Барнабас. – С этим даже Серношерстка не стала бы спорить, ручаюсь всеми грибами Мимамейдра. Что ж, решено. Пойду продолжу обсуждать маршруты с Хотброддом и Лолой.



9. Прощание и первая встреча

*И сам раскатом трубным возвести:
Пришла Зима, зато Весна в пути.*

П. Б. Шелли. Ода западному ветру (Перевод Б. Пастернака)



Как познакомить двух сказочных существ, у которых на двоих более тысячи лет жизненного опыта, если самому тебе только четырнадцать? Бен, в отличие от Барнабаса, вовсе не был уверен, что идеально подходит на эту роль. Но не мог же он отказаться! Встреча Лунга и Анемоса станет, несомненно, незабываемым событием. С другой стороны... Может быть, вежливее будет представить их друг другу и сразу оставить наедине? Так ли уж приятно будет Лунгу присутствие человека в тот момент, когда он встретится с созданием, вдохновившим, как и он сам, множество сказок и легенд, даже если этот человек – его собственный ездок?

Но когда Бен подошел к пещере Зубцеборода, эти вопросы потеряли всякое значение. По глазам Лунга он сразу понял, что произошло. Пещера Зубцеборода опустела. Лишь рой огоньков, кружась в воздухе, как цветочная пыльца, постепенно выплывал из пещеры.

– Он любил побрызгать иногда – что было, то было! – У входа в пещеру сидела Серношерстка; она казалась маленькой и потерянной. – Но как он мог просто взять и уйти? С ним так хорошо было ругаться! – У Серношерстки вырвался вскрик. – Пятю новых звезд на небе. Замечательно! Как будто их там без того мало! Разве с ними можно ругаться? Или потрогать их? Понюхать? Услышать?

Она снова всхлипнула. На мохнатом лице виднелись темные дорожки слез. Бен подошел к ней и погладил по голове.

– Только посмей умереть раньше меня! – прикрикнула Серношерстка на Лунга. – Слышишь? Это относится и к тебе, Повелитель драконов. Это относится даже к этому сморчку-гомункулусу!

– Я как раз хотел сказать вам обоим то же самое, – заметил Лунг, хотя знал, конечно, что драконы и кобольды живут обычно намного дольше людей. Бену этот факт казался весьма отрадным. Но Лунг наверняка придерживался другого мнения.

Бен следил за последними вылетающими из пещеры огоньками, пока они не растворились в солнечных лучах. Нет, такой способ проститься с жизнью, пожалуй, совсем не плох, и он рад был, что за последние два года так близко познакомился с Зубцебородом. Старый дракон много рассказывал ему о долине в Шотландии, где родился и вырос Лунг. Он знал его роди-

телей, а однажды, когда Лунг был еще ребенком, спас его от орла. Зубцебород помнил те времена, когда рыцари выезжали охотиться на драконов. Он сам сражался с несколькими такими воинами. Слушая рассказы Зубцеборода о его приключениях, Бен часто просил Мухоножку записывать. Гомункулус заполнил этими рассказами множество тетрадей, а Барнабас отдал их перепечатать и переплести в серебристый холст, чтобы воспоминания Зубцеборода не ушли вместе с ним к звездам, где никто не сможет их прочесть.

Лунг встал рядом с Беном и тоже посмотрел на небо.

– Если хочешь, я объясню Анемосу, что лучше перенести ваше знакомство на другой день, – предложил Бен.

Но Лунг покачал головой:

– Нет, день самый подходящий. Одно уходит, другое приходит. Зубцебороду это понравилось бы. А мне не терпится увидеть пегаса!

Бен оглянулся на пещеру. Серношерстка, видимо, осталась внутри.



– Она еще не пришла в себя, – пояснил Лунг. – Серношерстка очень любила Зубцеборода, и не только потому, что с ним так хорошо ругаться. Я думаю, она для начала пойдет наберет себе каких-нибудь особенно вкусных грибов.

Бен не мог сдержать улыбку. Да, так она и поступит, как пить дать.

– Хотел бы и я иметь такое доступное утешение, – заметил Лунг, следуя за Беном к стойлу.

Дракон и пегас. Окрестные луга казались слишком обыденным местом для встречи двух столь необычных существ. Когда Бен произнес это вслух, Лунг насмешливо фыркнул:

– Необычное быстро приедается, Повелитель драконов. Счастливыми нас делают, как правило, самые обыденные вещи. Не сомневаюсь, что пегас, как и я, оценил мирные луга Мимамейдра.

Анемос уже поджидал их.

Он стоял неподвижно, словно статуя, среди луговой травы, подставив гриву ветру. Лишь раздувавшиеся ноздри выдавали скрытое волнение.

Лунг остановился за десять человеческих шагов до него. Пегас был намного меньше дракона, и Лунг опустил на траву, чтобы сгладить разницу в росте. Анемос отблагодарил его за этот жест тем, что двинулся навстречу. При взгляде на них сразу становилось ясно, что дело не в размерах. Рядом с этими двумя существами мир казался сразу и древним, и только что созданным; и очарование каждого из них усиливалось в присутствии другого.



– Добро пожаловать в Мимамейдр, – произнес Лунг. – В единственное место на свете, где ни ты ни я не должны скрываться. Мне безмерно жаль, что тебя привели сюда трагические обстоятельства, но я так рад, что ты прибыл именно сейчас! До сегодняшнего дня здесь был старый дракон, но теперь он нас покинул, а я не могу занять его место, потому что меня ждут на другом конце света. Мимамейдр остался без стража, который обладал бы нашей силой и мог обеспечить этому месту безопасность, какой оно заслуживает.

Пегас склонил голову:

– Не уверен, что у меня еще осталась сила, огненная птица! Слишком многое ее подтачивает.

– Я знаю о твоем горе, – отозвался Лунг. – Но и прятки, в которые нас всех заставляет играть этот мир, истощают наши силы. Вот увидишь: здесь ты почувствуешь себя окрепшим, хотя Мимамейдр и бессилен исцелить рану в твоем сердце. Наслаждайся тем, что тебе не нужно скрываться: ведь это свобода! Как и тем, что мы здесь окружены созданиями, которых люди встречают только в книжках. Стань на время стражем Мимамейдра. Его обитатели заслуживают нашей помощи. А я тогда полечу к себе со спокойной душой.

Анемос оглянулся на стойло, куда поместили его осиротевшее гнездо.

Лунг перехватил его взгляд.

– Я знаю, что это не утешение, но боль и правда часто делают нас сильнее. И ты здесь среди друзей, как ни непривычно это звучит по отношению к людям. Визенгрунды спасли мое племя, когда надежды уже почти не было. Вот увидишь, они не пожалеют жизни, чтобы спасти твоих детей.

– Расскажи мне, – пегас взглянул на дракона с сомнением, – как они помогли вам.

– Это длинная история.

– Тем лучше.

Бен незаметно оставил их, когда Лунг начал свой рассказ, хотя он с удовольствием послушал бы дракона и повспоминал совместные приключения. Но сейчас предстояло решить новую задачу. Остается надеяться, что и она станет в свое время историей, которую приятно будет послушать.



10. Грифоны любят золото

Золото – высочайшая ценность.

Оно исполняет любые желания своего обладателя и даже открывает душам ворота в рай.

Христофор Колумб



Часто самые заветные наши мечты начинаются с мелочей. Мечта увидеть когда-нибудь пегаса родилась у Барнабаса Визенгрунда, когда нелюбимая тетка подарила ему на восьмой день рождения альбом для наклеек под названием «Греческая мифология в картинках». С тех пор он почти все свои карманные деньги тратил на пакетики со стикерами и бывал очень разочарован, если внутри оказывались боги или герои, – ему гораздо больше нравились чудовища: Сцилла и Харибда, циклоп, Медуза... Он мог смотреть на них часами. Но главным его сокровищем был пегас. По ночам ему снилось, что он уносится к звездам, сидя между крыльями волшебного скакуна.

Пегас, крылатый конь, родившийся из крови обезглавленной Медузы... С тех пор Барнабас повстречал не одну медузу. Они были куда добрее, чем о них рассказывают. Неудивительно! Разве могло бы мерзкое чудовище породить такое изумительное создание, как пегас? Барнабас и Вита отыскиали в свое время потомков Сциллы и правнуков Харибды (все они подтверждали дурную славу своего рода). Что до циклопов, Визенгрунды обнаружили на Крите хорошо сохранившийся скелет одного из них. Но доказательства существования пегасов они двадцать лет искали напрасно. Они совсем было поверили, что крылатый конь, залетевший в детские сны Барнабаса, навсегда исчез из этого мира, как птица додо и саблезубый тигр или единороги, чье существование в далеком прошлом подтверждается теперь лишь наличием у мохнатых диких лошадей в Монголии зачатка крученого рога посреди лба. И вдруг в горах Греции они натолкнулись на следы, за которыми Барнабас столько лет гонялся по всему миру: блестящие, как серебро, отпечатки копыт, а рядом с ними – несколько медно-красных и белых перьев. Когда они наконец отыскивали самих пегасов, Барнабас так заворуженно уставился на них, что, вспоминая об этом, каждый раз удивлялся, как это Анемос не отправил его на тот свет ударом копыта.

С тех пор Визенгрунды регулярно посылали Лолу Серохвост в Грецию убедиться, что с пегасами все в порядке. Когда крыса вернулась из очередной поездки с фотографией кладки в гнезде, они с Витой всю ночь не могли уснуть. Обитатели Мимамейдра заключали пари, не окажется ли в одном из яиц лазурный пегас: по легенде, эта особая порода могла взлетать до самой Луны. Но теперь никого не интересовало, какого цвета будут жеребята, лишь бы только

они благополучно вылупились! Барнабас отдал бы за это правую руку, десять лет жизни, все, что у него есть... Но вместо этого ему придется ради жеребят отправиться на поиски сказочных существ, с которыми он никогда в жизни не имел охоты встречаться.

Барнабас Визенгрунд был миролюбивый человек. Он еще ребенком не мог смотреть, как топчут жуков или бросают камни в бродячих собак. Больше всего на свете он ненавидел людей, которые шутики ради или от нечего делать причиняют боль другим живым существам, хотя со временем понял, что причиной жестокости чаще всего бывает страх перед чужаком. Да, миролюбив Барнабас был, наверное, потому, что его всегда отличало бесстрашие и неутолимое любопытство по отношению ко всему незнакомому. Но то, что ему было известно о грифонах, заставляло предполагать, что при всем любопытстве он не получил бы от этого знакомства ни малейшего удовольствия. Грифоны в мире сказочных существ были партией войны: жестокость считалась у них добродетелью, а доброта – слабостью; смысл жизни для них составляло то, что Барнабас ненавидел всеми фибрами души, – война, сражение, порабощение тех, кто слабее. Перед полетом он прочел все истории о грифонах, какие Мухоножка смог отыскать в библиотеке, в надежде найти что-нибудь пробуждающее симпатию. Но даже те из них, кого описывали как благородных и великодушных, были, по оценкам Барнабаса, безжалостными убийцами. А их одержимость золотом и драгоценностями! Это тоже не вызывало ничего, кроме презрения. «Эти крылатые чудища ни за что не дадут тебе перо, Барнабас, – шептал ему внутренний голос. – Ты просто неисправимый наивный мечтатель!» Но ведь он обещал Анемосу! И он непременно хотел увидеть, как крылатые жеребята взлетают в небо над лугами Мимамейдра...

Хотбродд доложил, что к полету все готово. Барнабас напоследок еще раз подошел к стойлу, где две гусыни согревали яйца в пегасовом гнезде. Анемос, как всегда, стоял перед входом. Он, видимо, не мог выносить вида осиротевших яиц.

– Я слышал, Лунг просил тебя побыть стражем Мимамейдра на время нашего отсутствия. Спасибо, что ты согласился! Гиневер и Вита сделают все возможное, чтобы с твоими детьми до нашего возвращения ничего не случилось, а я даю тебе честное слово: мы спасем их!

В ответ Анемос прижался лбом ко лбу Барнабаса.

– Если у тебя это получится, Визенгрунд, я назову одного из жеребят в твою честь!

– Нет уж, пожалуйста, не делай этого! – откликнулся Барнабас. – Это и для человека-то странное имя, а уж пегасу оно совсем не подходит.

Потом он пошел попрощаться с Витой и Гиневер. А также с Лунгом, Серношерсткой и Беном – до скорой встречи в Индии.

У самолета Хотбродда был нос дракона; за кабиной пилота располагались сиденья для пассажиров. Там Барнабаса уже ждал Мухоножка. Хотбродд запустил мотор, и самолет расправил крылья, бесшумно, словно птица. Они взлетели в еще темное небо. Машина неслышно скользила по воздуху, и только из кабины доносилась перебранка: командир корабля Хотбродд и второй пилот Лола Серохвост начали пререкаться сразу после старта. Они ссорились из-за того, какую поставить музыку, на какой высоте лучше лететь, из-за привычки Хотбродда жевать дикий чеснок и из-за того, что Лола не умела долго молчать.

Перебранка доставляла обоим огромное удовольствие. Барнабас и Мухоножка настолько к этому привыкли, что тут же крепко уснули, несмотря на возбужденные голоса, доносившиеся из кабины. Кто знает, когда еще в этом путешествии удастся выспаться!

От Мимамейдра на юг Анатолии было четыре тысячи километров лету. Самолет Хотбродда отличался не только бесшумностью, но и скоростью. Солнце еще только поднималось из-за коричневатых скал, как они уже прибыли в первый пункт своего маршрута.

Летная полоса, на которую Хотбродд посадил самолет – очень жестко, по мнению Лолы, – выглядела заброшенной, как будто сюда никто не заглядывал уже несколько веков. Женщина,

специально следившая за тем, чтобы аэродром производил на непрошенных посетителей такое впечатление, ждала в пыльном джипе неподалеку. Багдагюль Эндер и Барнабас были знакомы с пятилетнего возраста, когда они, заскучав от бесконечных разговоров друживших между собой родителей, убегали смотреть на рогатых саламандр. Багдагюль была родом из южной Анатолии; она очень много сделала для защиты животных своей родины, находящихся на грани уничтожения. Будь то азиатские львы или редкие летучие мыши – Багдагюль заступалась за всех. Она была одним из членов-учредителей СВОСКАСОЗ и организовала в пещерах, выдолбленных в склонах окрестных гор давно исчезнувшей цивилизацией, заповедник такого же рода, как Мимамейдр.



Пса Багдагюль большинство людей сочли бы просто за альбиноса с необычным узором на шерсти, но Барнабас сразу опознал в нем представителя редчайшей породы облачных собак, которую Багдагюль спасла от вымирания.

По лицу своей старой приятельницы Барнабас сразу понял, что она не одобряет их экспедицию. Прежде чем Багдагюль успела наброситься на него со всем своим врожденным темпераментом, он протянул ей коробку, в которой что-то возилось и курлыкало.

– Мушмулики. Вита обнаружила их на полке в супермаркете. Мы подержали их какое-то время в Мимамейдре, но в Норвегии им слишком холодно. У тебя найдется для них место?

Багдагюль заглянула в коробку и, улыбаясь, взяла ее из рук Барнабаса.

– Конечно. Хотя почти все пещеры уже заняты. Скоро мне придется попросить твоих горных гномов выдолбить нам несколько новых. – Поставив коробку в машину, она взяла с заднего сиденья черную инкрустированную шкатулку и протянула Барнабасу. – Я принесла то, о чем ты просил. Но ты, полагаю, догадываешься, что я думаю об этой затее! Инуа, как я слышала, объяснил тебе во всех подробностях, что это за твари и каково с ними связываться! Ты правда уверен, что другого выхода нет?

– Да. Инуа очень впечатляюще умеет кричать грифоном – этого у него не отнимешь. Но время поджимает, и солнечное перо действительно единственная наша надежда. Или ты можешь посоветовать что-то получше?

Багдагюль откинула волосы со лба. Их уже тронула седина, но в ее глазах Барнабас по-прежнему видел девочку, с которой когда-то ходил искать саламандр. Просто теперь девочка стала сильнее и мудрее и больше знала о мире.

– Даже если ты найдешь грифонов, Барнабас, а ты их найдешь, я не сомневаюсь... Они откусят тебе голову только за то, что ты им недостаточно низко поклонился! Они воображают, что земля и небо – их вотчина, и уж точно слышать ничего не хотят о крылатых конях!

– Знаю, знаю! – вздохнул в ответ Барнабас. – И я страшно благодарен, что ты жертвуешь нам семейную драгоценность. Она, наверное, стоит больше, чем весь Мимамейдр! – добавил он, взглянув на шкатулку. – К сожалению, я почти не надеюсь ее тебе вернуть!

– Еще не хватало! – отмахнулась Багдагюль. – Мой отец рад был бы узнать, на что пригодились его старое пресс-папье. Да не смотри на меня так! В основном именно так он эту шкатулку и использовал. И если эти царственные птицы, как они любят себя называть, и в самом деле примут ее вместе с содержимым в обмен на перо и она послужит спасению трех маленьких пегасов, лучшего применения сокровищу не придумаешь!



Сокровище. Встреча с Багдагюль в очередной раз показала Барнабасу, как много сокровищ он обрел в своей жизни – человеческих сокровищ. Он открыл шкатулку. Концы золотого браслета изображали двух грозно глядящих друг на друга грифонов с воинственно поднятыми крыльями. Похожий экземпляр имелся в коллекции Британского музея в Лондоне, но браслет Багдагюль был древнее и из более массивного золота. Глаза грифонов были из крошечных рубинов, крылья отделаны жемчугом.

– Дорогая моя, чудесная Багдагюль, как я тебе благодарен! – воскликнул Барнабас. – Словами не выразить! Это царская плата за одно-единственное перо. Инуа говорил, будто ты знаешь что-то еще, чем можно склонить грифонов на свою сторону, если не удастся соблазнить их золотом. Но он сказал, что ты лучше сама об этом расскажешь.

– На свою сторону? Грифонов? – Багдагюль рассмеялась. – Шутник этот Инуа! Он, наверное, не захотел сам рассказывать, чтобы не мучиться совестью за то, что подал тебе идею. Но я уверена, что даже ты, при всей своей любви к пегасам, не станешь платить такую цену.

Барнабас засунул шкатулку с браслетом в свой рюкзак.

– Ну не томи! Что за цена?

– Возможность отдать самого себя им на съедение мы не рассматриваем, правда? – Багдагюль погладила облачного пса по бело-серой шерсти – говорят, эта порода сразу чует любой подвох. – Предложи устроить им поединок с драконом. Любой грифон отдаст тебе за это солнечное перо. Они обожают хвалиться тем, что единственные из сказочных существ без труда побеждают в схватке дракона. Но у них уже лет шестьсот не было возможности доказать это на деле.

Барнабас молчал.

Багдагюль права. Такую цену он не станет платить даже за крылатых жеребят. Как хорошо, что он скрыл от Лунга цель их путешествия!

– А кто вышел победителем шестьсот лет назад? – поинтересовался он.

– Грифон. Он убил дракона и украсил свое гнездо его чешуей. Так что давай лучше надеяться, что грифоны сочтут браслет достойной платой. Говорят, солнечные перья вырастают у них лишь после многих свершений, так что они ими не разбрасываются.

Да, Барнабас читал об этом.

– Мы что-нибудь придумаем! – воскликнул он. – Ты непременно должна приехать в Мимамейдр, когда жеребята вылупятся.

– Не откажусь! – Багдагюль улыбалась, но взгляд ее по-прежнему выдавал тревогу. – Грифоны чуют золото за километр, Барнабас. Боюсь, они просто убьют тебя из-за этого браслета, вместо того чтобы торговаться.

Да, такая возможность приходила Барнабасу в голову. Но что же ему еще оставалось делать, раз он не желал смириться с тем, что на свете не будет больше крылатых коней?

– А ты знаешь, где именно их искать? – спросила Багдагюль. – Я слышала только, что стая грифонов живет где-то в Индонезии. Но это ведь сотни островов!

– Семнадцать тысяч, по последним подсчетам, – заметил Барнабас. – Правда, из-за повышения уровня моря некоторые из них ушли под воду. Но с нами летающая крыса – несравненная разведчица, а еще у меня есть идея, где взять проводника. Но ты права: найти их будет непросто.

– Ну, – улыбнулась Багдагюль, – к этому нам не привыкать, правда? Мы за что ни возьмемся, все непросто. Но иногда доброму делу помогает удача.



11. Одно сердце, два дома

Того, кто хочет уйти, все равно не удержать. Понимаешь? Нужно просто любить того, кто рядом. Особенно пока он рядом.

Кейт Ди Камилло. Спасибо Уинн-Дикси (Перевод О. А. Варшавер)



Самолет Хотбродда уже скрылся в облаках, когда Бен забрался Лунгу на спину. Дракон дождался, пока в небе засияла луна. Это сильно облегчало полет. Но в рюкзаке у Серношерстки на всякий случай хранился достаточный запас цветов, которые могут заменить серебристому дракону лунный свет. Вита выращивала их в теплице Мимамейдра из семян, которые получала от Зибейды Халиб, индийской исследовательницы драконов. Бен познакомился с Зибейдой, первооткрывательницей этих цветов, во время первого своего путешествия с Лунгом. Не верилось, что это случилось всего два года назад.

Вместе с Витой и Гиневер попрощаться с драконом и его ездоком пришел и Анемос. После разговора с Лунгом он выглядел немного бодрее. Он теперь ежедневно облетал вместе с тучевороны границы Мимамейдра, а затем с ежовниками обследовал прилегающие леса. Нет ничего хуже, чем сидеть без дела и ждать, и Бен очень обрадовался, что пегас всерьез взялся за охрану Мимамейдра, порученную ему Лунгом на ближайшие недели.

В последний момент, когда Бен уже собирался залезть Лунгу на спину, Гиневер сунула ему что-то в руку. Это была фотография пегасовых яиц. Они отливали серебром, как чешуя Лунга.

– Это чтобы вы там не забывали, ради чего отправились в такую даль! – И Гиневер поцеловала Бена в щеку на прощание.

Как же хорошо снова лететь на спине у Лунга! Даже Серношерстка, кажется, была рада, что Бен снова с ними. Сутки, которые требовались дракону на дорогу до юго-западного побережья Индии, промчались, как один миг.

Лунг за эти два года накопил такой опыт полетов, что мог потягаться с ветром. Нестись верхом на такой красоте и силе на другой конец света – потрясающее ощущение; Бен, прижимаясь к теплой драконьей чешуе, был уверен, что счастливее его нет никого на свете.

Холм, на который они приземлились спустя неполные сутки полета, находился намного южнее того места, где их в свое время высадил на сушу морской змей. Отсюда Бен и без

бинокля видел за полями и хижинами развалины храма, где они собирались встретиться с Барнабасом.

Остальные члены экспедиции доберутся сюда только завтра утром – Гильберт Серохвост все же недооценил скорость дракона, – и, конечно, Лунг не захотел оставлять Бена одного и отложил свой отлет к Подолу Неба. Это подарило им еще несколько драгоценных часов. И в эти часы Бен после долгого перерыва снова стал Повелителем драконов – ездоком на драконе, другом и товарищем своего дракона. Для того, что связывало мальчика с Лунгом, в нашем языке просто нет подходящего слова. Когда солнце стало медленно садиться за возделанные поля, Бен расстелил на земле куртку и разложил на ней съестные припасы, приготовленные для него Таллемайей. Серношерстка только поморщилась, когда Бен предложил ей угощаться. Она вообще была необычно молчалива. Кобольды так же привязаны к родным местам, как и тролли, а шотландские кобольды – особенно. Серношерстка и не скрывала, что ее мучит тоска по дому и что лишь привязанность к Лунгу гонит ее обратно к Подолу Неба. Она примостилась под ближайшим деревом со своими грибными запасами и вскоре уснула с надкушенной лисичкой в лапе. Над грибом роились индийские мухи, а Серношерстка что-то бормотала во сне о белых грибах и диких шампиньонах.

Лунга так утомил долгий перелет, что он тоже больше молчал, но Бен заметил, как радуется дракон возвращению к Подолу Неба и к своим сородичам. Для Лунга долина в Гималаях стала настоящей родиной, и Бен не сомневался: добровольно он ее никогда уже не покинет. Лунг в конце концов уронил голову на лапы, а Бен остался сидеть, чувствуя на коже теплый воздух индийской ночи, слушая спокойное дыхание Лунга. Ему мечталось, чтобы такие мгновения можно было носить с собой, как одежду, как волшебную куртку. Наденешь ее – и все, что составляет их неповторимое блаженство, снова с тобой: сонное бормотание Серношерстки, далеко расстилающиеся перед взором чужие края, где они однажды уже путешествовали вместе... и близость дракона. Да, это главное. Просто Бен ни от чего не испытывал такого счастья, как от присутствия Лунга. Ни от чего на свете.

Ну почему Подол Неба так невыносимо далеко от места, ставшего ему любимым домом? Мимамейдр отделяли от Гималаев более восьми тысяч километров.

– Мне нужно рассказать тебе одну вещь. – Лунг вытянул усталые крылья. – Вообще-то, я хотел сказать вам всем еще в Мимамейдре, но все не было подходящего момента – сначала из-за Зубцеборода, потом из-за пегасов...

Бену не понравилась интонация Лунга. В ней звучала пугающая торжественность.

– В этом году не только у пегасов вылупятся жеребята. У нас в Подоле Неба тоже ожидается потомство.

Бен так ошалело поглядел на дракона, что из пасти Лунга вырвалось тихое мурлыканье, которое Бен называл смехом.

– Двенадцать драконят! Если все яйца проклюнутся. Двое из них – Майины дети. И мои. Бен забыл про пегасов и грифонов.

Драконята!

– Но... Но я же должен их увидеть! – вырвалось у него. – Когда они вылупятся?

– У нас дело идет не так быстро, как у пегасов. Через три месяца.

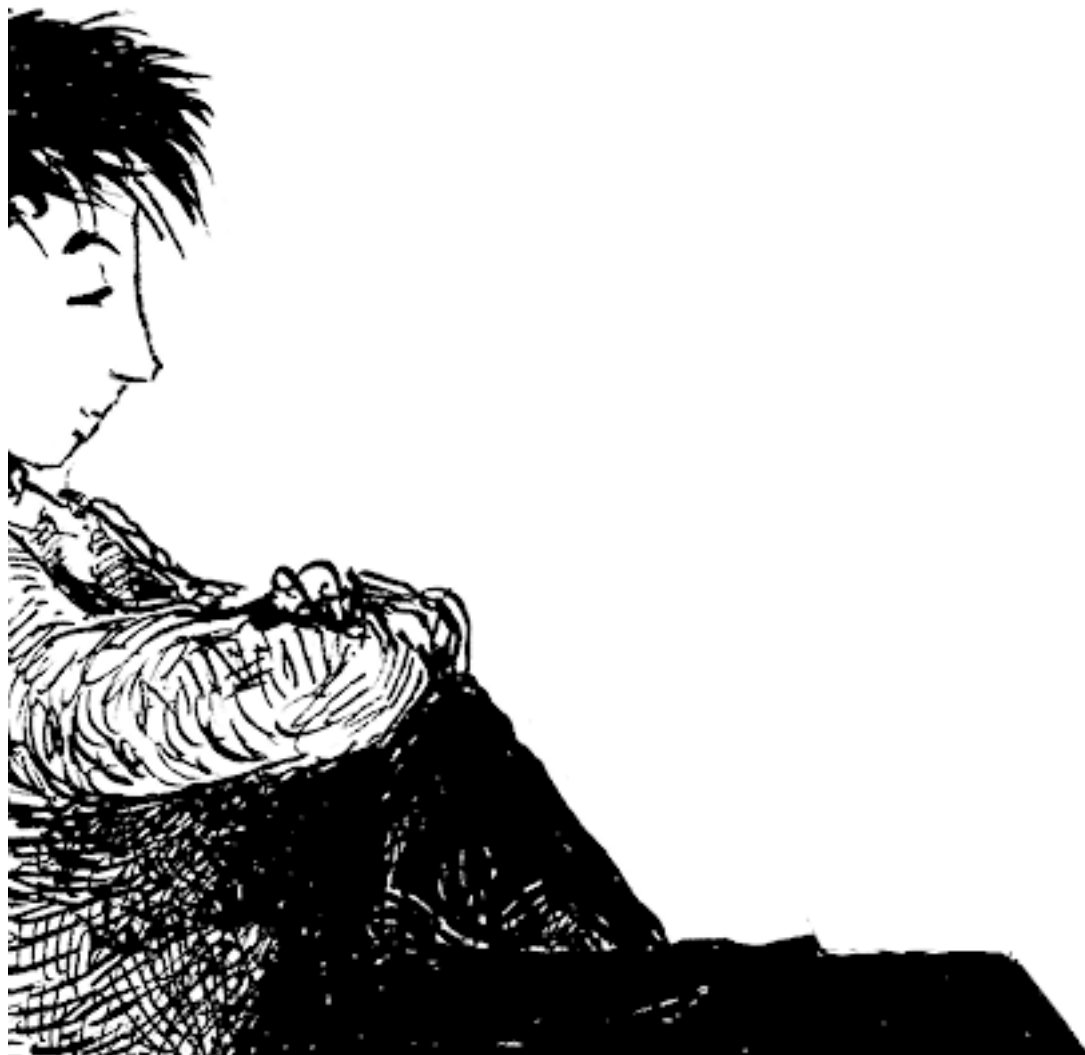
Три месяца! Они пролетят, не успеешь оглянуться, и все произойдет без него, и...

– И я, к сожалению, какое-то время не смогу прилетать в Мимамейдр. – Лунг произнес вслух то, о чем думал Бен.

Какое-то время? Несколько лет, наверное! Интересно, у драконов отцы занимаются воспитанием детей? Уж Лунг-то наверняка станет!

Бен не знал, куда спрятать глаза. Ах, эта разлука будет куда тяжелее всех предыдущих! Может, сказать Барнабасу, что он не полетит с ним в Индонезию? Попросить Лунга взять его с собой и остаться в Подоле Неба, пока драконята не вылупятся? Даже если малыши Анемоса

благополучно появятся на свет, они только будут напоминать ему о драконятах, чье рождение он пропустил!



Лунг тихонько ткнул его носом в грудь – обычный жест, когда он хотел приободрить Бена.

– Ну конечно ты их увидишь! Я за тобой прилечу – обещаю! Как только смогу оставить Майю одну с малышами.

Когда еще это будет!

Последние отсветы дня погасли, и развалины храма, где Бену предстояло встретиться с Барнабасом и остальными участниками экспедиции, растворились в ночной темноте.

– Не волнуйся, – продолжил Лунг, – все будет хорошо. А сейчас давай последуем примеру Серношерстки и поспим. Нам обоим еще далеко лететь.

Он растянулся рядом с Беном и вскоре спал так же крепко и сладко, как кобольдиха. Звезды отражались в его серебряной чешуе. Бен сидел, обхватив руками колени, и спрашивал себя, как научить сердце любить так, чтобы от этого не было больно. Не лучше ли в самом деле ни в ком не нуждаться и ни по кому не скучать? Этой ночью ответ казался Бену неочевидным.



В свете предстоящей долгой разлуки с Лунгом все, что он любил в Мимамейдре, стало вдруг таять как призрак. Чужая ночь вокруг застилала далекое счастье, и лишь одно жило в его сердце – дракон.

К восходу Бен, так и не сомкнувший глаз, принял решение. Он поможет Барнабасу искать грифонов, но по окончании экспедиции не вернется в Мимамейдр, а доберется как-нибудь до Подола Неба. Не то чтобы он почувствовал облегчение, решив это. Скорее наоборот. Новый план означал примерно: «Я разрежу свое сердце пополам и одну половинку выброшу». Но что ему оставалось делать?

Бен решил, что поговорит с Барнабасом, когда перо грифона будет у них в руках. Барнабас наверняка его поймет. Они ведь оба помнили, что Бен сначала стал Повелителем драконов, а уж потом Визенгрудом.

А Лунг?

Дракон открыл глаза, словно решение Бена разбудило его.

– У тебя усталый вид, – отметил он, потягиваясь. – Ты хорошо спал?

– Не особенно.

Больше всего Бену хотелось сказать: «Лунг, я лечу с тобой». Но он не мог бросить Барнабаса, когда тот отправляется на поиски самых опасных чудовищ на свете. И потом...

В глубине души Бену очень хотелось увидеть грифонов.

– Мы еще успеем попрощаться до нашего отлета? – спросил он.

Барнабас попросил Лунга не подвозить Бена к самому храму, чтобы там не поднялась суматоха из-за дракона.

– Конечно, – отозвался Лунг. – Я-то полечу только вечером. Мне по-прежнему легче летать ночью. Пошли ко мне Лолу, когда соберетесь в путь. А теперь давай поглядим, не дожидается ли уже тебя Барнабас.



12. Храм Гаруды

Когда настал срок, явился, расколов скорлупу своего яйца, Гаруда, блистающий, как солнце, как Агни, огненный бог. Его сияние подобно пламени, которое поглотит все, когда настанет конец этого мира.

Великая Махабхарата. Книга первая. Адипарва, глава 20



Барнабас и в самом деле уже дожидался Бена. Храм и его двор, опоясанный колоннами, казались на первый взгляд давно заброшенными, как будто между полуразвалившимися стенами веками не ступала нога человека. Но бог, чьи обветренные изображения глядели на них отовсюду, вероятно, не сильно нуждался в человеческом поклонении. У него были крылья и клюв, а в развалинах его храма перекликались тысячи птичьих голосов. Птицы всех расцветок покрывали коричневатый песчаник стен, подобно пернатым цветам, – красные, желтые, иссиня-черные, изумрудно-зеленые и белоснежные. Бен никогда еще не видел столько птиц сразу. Они свистели, чирикали, ворковали и стрекотали так пронзительно, что Мухоножка, сидевший на плече у Барнабаса, заткнул руками чувствительные уши. Некоторые птицы были не меньше, а то и больше гомункулуса. А клювы! Ну почему он не отправился с Хотброддом и Лолой к тихой реке, где они сейчас в тишине и покое заправляют самолет? Потому, что Барнабас нуждался в переводчике, а Мухоножка ни в чем не мог ему отказать.

– Ты, наверное, уже догадался, почему я предложил встретиться именно здесь, – прошептал Барнабас на ухо Бену. – Видишь, чей это храм? – Он показал на фреску слева от них.

– Гаруда! – выдохнул Бен. – Ездовая птица Вишну. Похититель бессмертия. Бог птиц.

– Именно! – подтвердил Барнабас. – Птицы слетаются сюда со всего света, чтобы просить заступничества у своего бога. Кто знает? Может быть, кто-то из них сможет помочь нам в поисках.

Ах вот почему он должен был прийти сюда один, без Лунга! Бен окинул взглядом развалины храма.

– Помочь людям, которые дружат с царем змей? – раздался рядом с ними скрипучий голос.

Мухоножку так вывели из себя эти слова, что он забыл перевести их Барнабасу и спохватился лишь от его вопросительного взгляда.

Всякий узнал бы птицу, которая выступила из-за колонн, волоча за собой шлейф переливающихся перьев. Она славилась как несравненной красотой, так и на редкость противным

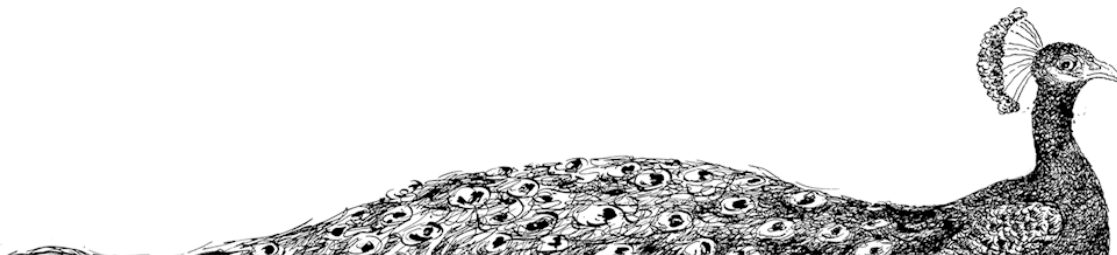
голосом. Бен до этого видел павлинов только в вольерах дворцов и в зоопарках. Но этот павлин наверняка оскорбился бы, услышав такое. Когда он распустил веером великолепный хвост, между колоннам воцарилась мертвая тишина. Даже Серношерстка вдруг почувствовала, что среди птичьего гомона было куда уютнее.

– Мой господин и повелитель, могущественный Гаруда, – прокрипел павлин, снова распустив хвост, превосходивший великолепием самую яркую радугу, – еще покажет вам всем, каков он в гневе! Как вы посмели привести дракона к его святилищу? Этого мальчишку, – он показал клювом на Бена, – привез сюда Огнедышащий Змей! Мне рассказали об этом сразу три сторожевые птицы!

– Прекрати строить из себя невесту что, Магура!

Птица с оранжевым хохолком на макушке, так непочтительно перебившая павлина, славила задиристостью. Это был удог. Он говорил на правильном английском, хотя и с сильным индийским акцентом, так что Мухонжке не пришлось переводить его слова. Бен уже не раз сталкивался с тем, что звери в присутствии сказочных существ начинали разговаривать на человеческих языках.

– Дракон столько же птица, сколько и змея, о махараджа чванливости! – насмешливо продолжил удог. – И потом, твой господин и повелитель, насколько я знаю, последний раз показывался в этом храме семьсот лет назад. Не говоря уж о том, что храм никогда не был посвящен одному Гаруде. Лично ему принадлежит здесь только одна ниша, которую, согласись, не так-то просто отыскать. Все остальное, – удог обвел клювом развалины, – посвящено Кришне. Что вполне естественно, на мой взгляд, ведь твой господин и повелитель всего лишь его ездовая птица!



У павлина перья встали дыбом от такой наглости. Каждый переливчатый глаз великолепного хвоста, казалось, изрыгал огонь. Но удог, не смущаясь, выкрикнул ему в лицо свое «упуп-упупуп!» – клич, за который он получил латинское имя Урира ерорс. Павлин с видом оскорбленного величия скрылся среди колонн, волоча хвост, словно шлейф. С удогами шутки плохи, хотя они намного меньше павлинов. Достаточно посмотреть, как они протыкают добычу длинным острым клювом или прихлопывают камнем.

Бен молчал. И лишь когда удог замолк, он медленно вышел на середину храмового двора. Тысячи птичьих глаз глядели на него с полуразвалившихся стен и башен.

– Удог прав! – объявил он им. – Драконы считают себя родственниками как птиц, так и змей. А также и всех млекопитающих. И морских рыб. Дракон – воплощение жизни. Во всем ее многообразии! И никому из вас он и перышка на голове не тронет.

Удог снова издал свое «упуп-упупуп» и вспорхнул на обломок колонны в шаге от Бена. Мухонжка при виде длинного клюва с трудом удержался, чтобы не спрятаться в карман к Барнабасу.

– Дружба человека и дракона! Не то чтобы такое встречалось на каждом шагу... – Удог расправил свой хохолок и смерил Бена холодным птичьим взглядом. – Какой помощи вы здесь ищите? Вы ведь здесь не из праздного любопытства?

– А по какой причине, позволю спросить, люди обычно сюда приходят? – Барнабас встал рядом с Беном.

– Змеиные укусы. – Удод поймал на лету муху. – Ваши сородичи почему-то считают, что если сбросить змею в глиняном горшке со стены храма, это поможет от яда. Не очень умно, если хотите знать мое мнение.

Он завершил свою речь насмешливым «упупуп», подхваченным множеством птичьих голосов. Бену казалось, что он кожей чувствует взгляды бесчисленных глаз. Круглых черных глаз, так не похожих на его собственные. «Интересно, – подумал он, – с какими просьбами птицы прилетают к Гаруде? Похожи они на те, с которыми люди обращаются к своим богам?»



Барнабас откашлялся. Не так-то просто быть услышанным в этом птичьем гомоне!

– Я знаю, многие из вас прилетели сюда из очень дальних краев! – громко сказал он. – Не встречались ли кому-нибудь из присутствующих грифоны?

Наступила такая тишина, словно все смотревшие на них птицы вдруг окаменели.

Но вот одна вспорхнула и села рядом с удодами. У нее был такой же длинный клюв, но оперение куда более пестрое, зеленое с оранжевым и голубоватым отливом.

– Зеленая шурка, – прошептал Мухоможка Бену. – Доверять ее словам не стоит. Эти птицы известны тем, что обожают сочинять небылицы.

Зеленая шурка не говорила по-английски.

– Моя троюродная сестра, – перевел Мухоможка возбужденное чириканье, – на днях видела целую стаю грифонов!

– Да ну? – насмешливо переспросила птица с ярко-бирюзовыми крыльями. – О король всех пернатых лгунишек, где же это ей так повезло?

– Бенгальская сизоворонка, – шепнул Мухоможка. Бен и не знал, что гомункулус так хорошо разбирается в птицах. С другой стороны, в чем только Мухоможка не разбирался... Когда они с Беном гуляли по лесам Мимамейдра, гомункулус мог назвать по имени любую букашку.



– Тут недалеко, – пропищала щурка. – У храма Махавишну.

Сизоворонка презрительно свистнула:

– Клянусь когтями Гаруды! Да, живет там стая оголодавших стервятников. Но грифоны – это же просто сказка. Их выдумали люди, которые орла ото льва отличить не могут!

Щурка зачирикала с такой скоростью, что Мухоножка бросил попытки перевода. К тому же удоб так пристально его рассматривал, что бедный гомункулус никак не мог сосредоточиться.

– Эй, ты, человекообразный паучонок! – проскрипел он, когда Мухоножка, не выдержав, ответил ему сердитым взглядом. – Ты наверняка очень вкусная букашка! Кто ты такой? Потомок Апасмары?

Мухоножка побледнел. Апасмара... Как смеет этот длинноклювый сравнивать его с карликом, считавшимся воплощением глупости!

– Нет уж, позвольте! – воскликнул он на такой высокой ноте, что собственный голос отозвался у него в ушах пронзительным птичьим криком. – Я гомункулус! И нет, мы совсем не вкусные! – добавил он на безукоризненном хинди, чтобы показать свою образованность. – Более того, мы весьма и весьма ядовиты!



– Что ты сказал? – шепотом переспросил Бен.

– Ничего. – Мухоножка скрестил руки на узкой груди. – Просто мне надоело слушать птичьи глупости!

– И все же я был бы очень тебе благодарен за дальнейший перевод, многотимый гомункулус! – обратился к нему Барнабас. – Мне кажется, сизоворонка собирается еще что-то сказать.

Если так, то пока она выдерживала паузу, подогревая интерес. Сизоворонка ткнула острым клювом в камень, на котором сидела, вытащила отчаянно извивающееся насекомое и не спеша, с удовольствием втянула внутрь бесчисленные ножки. Потом сплотнула, удовлетворенно закурлыкала и обрушила на Бена целый шквал непонятных звуков.

– Она говорит, что знает одну попугаиху, которая встречала грифонов, – перевел Мухоножка. – Это красный лори, она удрала от птицелова. Тут вообще, видимо, много беглецов из вольер и клеток.

– А как нам найти эту попугаиху? – поинтересовался Барнабас.

Сизоворонка показала клювом на ворота, ведущие внутрь храма. Темнота за ними была густой и непроницаемой, как оперение двух дронго, сидевших неподалеку: они отливали иссиня-черным, будто кто-то макнул их вместе с длинными хвостами в чернильницу. Мухоножке эта темнота очень не нравилась, но он по опыту знал, что такие ворота притягивают его юного хозяина как магнитом.

– Над нишей, где оставляют дары для Гаруды. Она верит, что если сидеть там день за днем и ничего не есть, то Гаруда в конце концов смилуется и отправит ее домой.

По тону сизоворонки легко было догадаться, что она думает об этой вере. Сама она прилетела сюда только потому, что между старинными камнями жило множество вкусных и сочных насекомых.

Барнабас отвел Бена в сторонку.

– Ты не против пойти поискать эту беглую попугаиху? – тихо спросил он. – Она, наверное, мальчика не так испугается, как взрослого мужчины. Лучше всего было бы послать к ней Мухоножку – они примерно одного размера, – но попугай может его... – Барнабас не договорил, поймав тревожный взгляд гомункулуса.

– Конечно! Я с удовольствием ее поищу. Но если найду, – тут Бен поглядел на Мухоножку, – мне, наверное, понадобится переводчик.

Гомункулус неодобрительно покосился на темноту за воротами, где якобы скрывалась беглая попугаиха. Впрочем, он ни в чем не мог отказать Бену. Ему случалось бывать с мальчиком и в более мрачных местах.

– Я позабочусь, чтобы с тобой ничего не случилось! – пообещал Бен. – Честное-пречестное слово!

«Сам виноват, Мухоножка! – думал гомункулус, карабкаясь ему на плечо. – Надо было выбирать хозяина, который больше всего любит сидеть в библиотеке, а мир вокруг считает досадной помехой ученым занятиям – как ты сам!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.